

КРОКОДИЛ

№ 34 ● декабрь ● 1981

ISSN 0130-2671

Не позабыть
Той богатырской были,
Она навеки сердцу дорога.
Мы под Москвой
Врага остановили,
Мы здесь впервые
Сбили спесь с врага.

Стихи А. ЖАРОВА.

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО.

Евгений ДУБРОВИН,
специальный корреспондент Крокодила

ПРОСТАЯ МЫСЛЬ

РАЗМЫШЛЕНИЯ НА СЕССИИ
ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

В это утро Большой Кремлевский дворец выглядит необычно. Повсюду люди шуршат газетами, пахнет свежей типографской краской. Только что вышли газеты с документами ноябрьского Пленума Центрального Комитета КПСС, речью Леонида Ильича Брежнева.

Люди ходят по залу, оживленно обмениваются мнениями...

Но вот шум стихает. В президиуме появляются руководители партии и правительства. Зал рукоплещет. Потом начинается работа...

Цифры, факты, анализ экономического положения в стране, обсуждение планов экономического и социального развития, бюджета, конструктивные предложения по дальнейшему совершенствованию управления хозяйством... Теперь эти документы известны всем, обсуждены по всей стране...

Но лично меня, когда я, сидя во Дворце и держа в руках пахнущую типографской краской «Правду», читал документы Пленума, поразила одна мысль в речи Леонида Ильича. Она была высказана в самом конце и как бы подводила итог всему сказанному.

«В заключение я хотел бы подчеркнуть,— сказал Л. И. Брежнев,— простую мысль. Она относится ко всем, независимо от того, кто какой пост занимает, кто где трудится. Надо лучше работать. Лучше составлять планы и лучше выполнять их. Лучше организовывать производство и лучше производить. Словом, работать эффективнее. Это, товарищи, в конечном счете, основное, решающее».

Лучше работать... До чего действительно простая мысль, но сколько в ней глубины, сколько за ней кроется проблем, которые надо решать нам всем. Коллективно и каждому отдельно. А чтобы работать лучше, эффективнее, именно каждому необходимо прежде всего стать знатоком своего дела, специалистом высокой квалификации.

Вспоминаю такой случай. На одном предприятии назначили директором человека со специальностью совсем другого профиля. То есть этот человек раньше заведовал плодоовощной базой, а стал заведовать производством одного сложного прибора. Местное руководство посчитало так: у данного человека, назовем его Смирновым, деловая хватка, масса энергии, умение работать с людьми. А что еще надо руководителю? Знание производства! Для этого у директора много специалистов. Главное — мобилизовать и нацелить людей.

И что же было дальше? Как ни удивительно, у Смирнова дела пошли отлично. Он наладил на заводе дисциплину, сумел, как говорится, зажечь людей, заинтересовать их как морально, так и материально. Завод стал ходить в числе передовых, на Смирнова посыпались премии и награды...

Но потом, в один прекрасный или, лучше сказать, несчастный день, все рухнуло. Возникли непредвиденные технологические осложнения. Специалисты стали спорить, как выйти из положения. Было несколько мнений. Решающее слово оставалось за директором. И Смирнов принял неверное решение.

Потому что не был специалистом.

К чести Смирнова надо сказать, что он сам подал заявление об уходе (случай, увы, далеко не типичный) и ушел опять на плодоовощную базу...

Вот такая история вспомнилась мне во время работы сессии, под впечатлением от слов Леонида Ильича.

Надо лучше работать.

Чтобы лучше работать, надо хорошо знать свое дело. Это прежде всего. Это основа основ.

Каждый из нас должен стать Мастером. Мастером с большой буквы.

Москва, Кремль. 17 ноября 1981 года.

Тому назад сорок лет... Заледенелое, цепенеющее в морозах Подмосковье. Дымы и грохоты смертной битвы. Огневые пятна крови на снегу, пепельно-сером от нескончаемых канонад. Не Золотая — теперь уж коричневая орда подкатывается под стены русской столицы, под сердце Родины.

Орда уже невыносимо близко, уже в летних дачах москвичей жарит яйца и потягивает шнапс гитлеровская солдатня. Еще один рывок, всего два десятка верст...

...МЫ НЕ ДРОГНЕМ В БОЮ ЗА СТОЛИЦУ СВОЮ,
НАМ РОДНАЯ МОСКВА ДОРОГА...

Как и встарь, народное ополчение, Сережка с Малой Бронной и Витка с Моховой... Отступать некуда, и врастают в землю защитники Москвы и держат оборону до последнего, пока

Бор. ЮДИН, специальный корреспондент Крокодила
гвардии майор в отставке

...Здесь это было, здесь... И вечным памятником героям застыли на поле боя величественные изваяния — фигуры бойцов.

Разъезд Дубосеково... Маленькая точка на картах фронтов Великой Отечественной войны. Здесь, на маленькой точке, и свершился великий подвиг бойцов роты капитана Гундиловича. Здесь, когда четырнадцать фашистских танков корчились в огне, а вслед за ними выползла в дыму новая колонна и политрук Клочков насчитал тридцать черных чудовищ с паучьими крестами на борту, прозвучали слова, которые останутся в веках: «Велика Россия, а отступать некуда: позади Москва!»

И они не отступили, ценою жизни закрыв фашистам путь на Москву.

А рядом с героями-панфиловцами в других дивизиях, полках и ротах грудью отражали натиск фашистских танков беззаветно преданные Родине бойцы.

Крепче вражеской стали выкованы были их сердца...

БЫЛ Я СОЛДАТ...

— А что рассказать? Был я солдат. Как стал генерал Панфилов дивизию формировать, так меня, шофера, туда и зачислили. Нет, не шофером был, бойцом. А отсюда, из Алма-Аты, уехал я под самый Ленинград. А оттуда — под Москву. Подучился, и назначили меня первым номером в противотанковый расчет. И ружье противотанковое дали. Ружье тяжелое, не винтовка. А бьет здорово, если без промаха.

И вот сижу я в окопчике, у станции Дубосеково было это, сижу, наблюдаю. Вечер тихий, где-то далеко стрельба, а у нас спокойно. И подходит ко мне наш любимый политрук Клочков.

— Вылезай,— говорит,— Касыбеков. Пляши, письмо тебе.

Ну, вылез я, потопал немножко, как полагается, а он мне — письмо. Читаю, а он ждет.

— Ну, что дома, все в порядке? — спрашивает.

— Все в порядке,— говорю.— Спасибо.

— Вот и хорошо. А теперь собирайся. В разведку пойдешь с лейтенантом Джабаровым. «Языка» взять нужно. Очень нужно. Понял?

— Понял,— говорю.— Обязательно «языка» нужно взять. И возьмем. А собираться мне недолго.

Письмо спрятал, переобулся и готов. Пошли мы, конечно, в разведку. Далеко забрались, все «языка» не было. А все-таки взяли. Утро наступило, нам назад возвращаться, а не можем. Такое кругом поднялось, смотреть страшно. Фашистские танки в атаку пошли. Грохот стоит и слева и справа, орудия ни минуты не молчат, и пулеметы трещат, оглохнуть можно. А нам никак не вылезти из лесу. Затаились мы там с этим «языком». Сидим на земле, немцами занятой, а только не мы у него, а он, фашист, у нас в плену.

Целый день прятались. А бой все шел... Страшный бой...

Ночью крюк сделали, обошли справа лесок и линию фронта пересекли. К утру к своим вышли.

Встретил нас комроты капитан Гундилович, обнял и заплакал.

— Погибли наши дорогие бойцы. Танки не пропу-

Маршал Г. К. Жуков, анализируя этапы битвы за Москву в своей книге «Воспоминания и размышления», писал:

«21 ноября Узловая и Сталиногорск были заняты главными силами танковой армии Гудериана... В районе Тулы создавалась довольно сложная обстановка.

В этих условиях Военный совет фронта принял решение усилить каширский боевой участок 112-й танковой дивизией, которой командовал полковник А. Л. Гетман...»

Наш спецкор Им. Левин «стретился с ГЕРОЕМ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ГЕНЕРАЛОМ АРМИИ АНДРЕЕМ ЛАВРЕНТЬЕВИЧЕМ ГЕТМАНОМ.

Вот его рассказ:

— Что можно сказать о том забываемом времени! Было тяжело, трудно, дрались мы, танкисты, как и все воины и ополченцы, оборонявшие Москву, без сна и отдыха, на пределе, а порой даже и за пределами человеческих возможностей. Силы нам придавала неколебимая вера в Победу. Вот почему нередко в короткие минуты отдыха между боями звучали и песня, и шутка, и смех.

Наша 112-я танковая дивизия прибыла под Москву в начале ноября. Костяк ее составляли закаленные в боях на Хасане и Халхин-Голе воины. «Разбили японских самураев, разобьем и немецких», — с задором говорили танкисты. И подкрепляли свои слова лихими танковыми атаками.

Как-то под Каширой зенитчики сбили фашистский самолет. В плен взяли пилота-гитлеровца с рыцарским крестом на шее.

— Как вы рискнули, — спросил я на допросе у пленного офицера, — напасть на страну, которую еще никто не побеждал!

— О каком риске речь! — усмехнулся ас. — Как видите, мы с вами не под Берлином, а под Москвой. Удивительные вы люди, русские: вместо того чтобы сдать, продолжаете проигранную войну...

— Нет, мы не удивительные, а убежденные люди, — ответил я тогда непрошеному гостю. — Убежденные в своей правоте и непобедимости! Будем мы еще и под Берлином и в самом Берлине!

Этот диалог я вспоминал потом не раз, когда вел танковые части и соединения с боями на запад.

Наш боевой путь отмечен танками на пьедесталах — от подмосковных городов Чехова, Каширы, от Зубцова, что подо Ржевом, от Тулы и до Зеленовских высот у порога Берлина...

Пусть же эти бронированные вехи победной поступи Советской Армии в годы Великой Отечественной войны служат не только напоминанием о героических деяниях павших и живых, но и грозным предостережением всем, кто замышляет в отношении нашей страны недоброе.

Левин

в подмосковных декабрьских снегах сорок первого года.

В несколько беглых строк не voltar всего исполнительского исторического значения Московской обороны, и сколько раз еще будет возвращаться к ней благодарная память новых поколений...

Никогда не будет забыто безграничное мужество защитников столицы; но не будут забыты и бодрость духа, и насмешливая дерзость, и наотмашь разящая врага издевка, и пулей летящая острота — весь тот лихой, духоподъемный настрой советского бойца, с каким он зимой сорок первого развеял легенду о непобедимости гитлеровского воинства.

Об этом живо свидетельствуют и материалы, опубликованные на наших страницах, — воспоминания ветеранов Московской битвы и некоторые сатирические рисунки, фельетоны, стихи, плакаты из газет и журналов той поры.

«Острое слово и острый штык в смелой атаке помогают друг другу»

Генерал И. Панфилов.

ГРОЗНЫЙ ЧАС

стили, а сами погибли. И любимый наш политрук Клочков вместе с ними погиб.

Оглянулись мы вокруг. Танки покалеченные, мертвые... И товарищи наши дорогие, неживые... А мы вот живые остались. Нам бы с ними рядом биться, а вот не пришлось... И заплакали мы с Джабаровым. Горько нам было, что в такой час не были мы с ними.

Ну, а потом воевал. Бил фашистов где мог и как мог... Ранен был... Сколько лет прошло, а в памяти все, как вчера было.

Мне шестьдесят семь. Панфиловец я. До конца жизни гордиться этим буду. Вот медали у меня «За оборону Москвы» и «За боевые заслуги». Я простой солдат Абыкан Касыбеков. Я Родину защищал.

НЕ ПОМЕРКНЕТ СЛАВА ГЕРОЕВ

— Никуда ты не поедешь, не выдумывай! Не по силам девочкам в восемнадцать лет воевать. И здесь дело найдется.

— Поеду! А не возьмешь к себе, в другую дивизию пойду.

Это я так храбро, нарушив всякую субординацию, разговаривала с генералом Панфиловым, потому что для меня Иван Васильевич был не генерал, а просто папа. И что же — сдался. И стала я медсестрой 316-й стрелковой дивизии, позже — 8-й гвардейской Краснознаменной имени генерала Панфилова. А лет мне было не очень много. Да одна ли я такая была...

Валентина Ивановна вынимает из альбома фотографию. Вот она, фронтовая фотография, запечатлевшая худенькую девушку в гимнастерке, в берете со звездочкой, из-под которого выбиваются непокорные прядки волос, с санитарной сумкой через плечо.

— Вот такой была там, под Москвой, когда сражались бойцы нашей дивизии, ни крови, ни жизни не жалея... И скольких безвестных героев — не время было в часы боя анкеты заполнять — выводили и выносили из боя и отправляли в медсанбаты и дальше в тыл, чтобы залечили их раны и вновь вернули в строй...

...Рассказ Валентины Ивановны прерывается на несколько минут по непредвиденным, но вполне серьезным причинам. Ее маленькая внучка Валя, черноглазая заботливая мать шести кукол, демонстрирует мне свое семейство:

— Это Маша, а это Галя, а это...

Бабушка считает, что детям уже пора спать. Валя забирает «детей» в охапку и покидает нас.

— Было ли что-либо забавное в наших фронтовых буднях? Конечно. На фронте все бывает...

Вот однажды, летом это было, на передовой загишь, значит, и у нас спокойно, пошли мы неда-

леко в лесок: слух прошел, богато малина уродилась, собирай кому не лень. Три охотницы до малины отправились: Нина Лобызева, Нина Павлова и я. Набрили на малинник, стали ягоды собирать. Вдруг шорох какой-то. Смотрим — длинный рыжий фриц тоже малину собирает и в каску к себе кладет. Руки у него заняты, так он автомат на сук дерева повесил. А удивляться нечего, фронт недалеко. Стоим, друг на дружку смотрим. Не знаю, как у него, а у нас душа в пятки ушла. Мужик здоровенный, а мы что — цыплята против него. Но подружка не растерялась, как заорет: «Хенде хох!», а мы уже к автомату кинулись, он и задрал руки. А каску не бросил: подбородком ее к груди прижал, малину ему жаль было. Аккуратный немец, что и говорить!

Привели мы его, голубчика, к нам, все так и показали со смеху. Вот, говорят, три девицы взяли фрица. Да еще вроде с трофеем — малиной. А только трофея уже не было: слопал ее по дороге фриц.

Но курьезы редко бывали. А так — война со всеми ее тяготами, боями, гибелью товарищей, горечью поражений и радостью побед. Вы, наверно, на фронте были, так сами знаете.

Ранена была три раза, — продолжает Валентина Ивановна. — Третье ранение тяжелое, еле выкарабкалась. Двумя орденами награждена и медалями. Теперь вот в Алма-Ате музей организую военной славы. Экспонатов у меня много накопилось, есть уникальные, а развернуться как следует нет возможности. Но скоро обещают дать нам целый дом. Вот там и смогут посмотреть молодые люди, как сражались за Родину их отцы. И среди этих документов, фотографий, личных вещей защитников Родины появится живая память о прославленных героях-панфиловцах и других бойцах битвы под Москвой...

Есть на нашей земле и на земле иных государств, кому ценою крови и жизни принесли освобождение наши воины, много памятников героям Великой Отечественной войны. Величественные ансамбли, монументы, скромные обелиски на братских могилах. А этот...

Он вытянулся вдоль берега Москвы-реки длинной шеренгой деревьев. Здесь, как в строю, почтенные деревья — генералы и капитаны, старшины и сержанты... На каждом деревце — табличка, в честь кого красуется оно на земле столицы. Этот памятник воздвигли танкисты. Ветераны бронетанковых войск высадили уже более одиннадцати тысяч деревьев, каждое — в память солдата, отдавшего жизнь за победу.

Среди них имена героев 23-й отдельной гвардейской Краснознаменной Ельнинской танковой бригады. Ее бойцы храбро сражались в районе Ельни, защищая столицу. Под зелеными кронами живых памятников имени Героя Советского Союза гвардии капитана И. Савельева, погибшего 2 декабря 1941 года под Наро-Фоминском, Героя Советского Союза гвардии старшего лейтенанта М. Солнцева... И гвардии старшины Ю. Анненкова... И гвардии старшего сержанта Н. Макарова...

Имена людей, отдавших жизнь за свободу Отчизны, заслуживших бессмертие в памяти грядущих поколений.

Разъезд Дубосеково — Алма-Ата — Москва.

Глядя на фотографию...

Недавно я, в который уже раз, побывал в Центральном музее Вооруженных Сил. Вот зал, посвященный разгрому немецко-фашистских войск под Москвой. Знакомые стены. И вдруг я увидел на стене фотоснимок, на который раньше как-то не обращал внимания. Фотограф запечатлел вроде бы немудреный сюжет: на припорошенной снегом московской улице стоит группа молодых солдат, они улыбаются, явно прихлопывают в ладоши, а в центре круга задорно пляшет «барыню» юноша в армейской шинели. Рядовая, привычная сценка. Если бы... если бы не дата под снимком: 15 октября 1941 года. Тревожное, полное драматических событий на фронте время. Недаром с этим снимком соседствует приказ о введении в столице осадного положения. Между снимком и этим приказом всего четыре дня. Фашистский бронированный кулак стучится под Можайском в ворота Москвы...

А московские парнишки в шинелях не теряют ни на минуту веры в Победу. Они не могли знать тогда ни о мчавшихся на подмогу сибирских и дальневосточных дивизиях, ни о планах Ставки, готовящей сокрушающий удар прямо в яростную морду фашистского зверя!

Ничего этого они не знали. Они просто сохраняли исконный народный дух — дух гордости, вольнолюбия и потрясающего оптимизма.

Через несколько дней (а может быть, часов) они примут свое боевое крещение. После схваток с гитлеровскими полчищами многие из них не вернутся домой... Никто не знает своей судьбы, но все верят в судьбу Родины. Она выживет. Она победит!

Фотография на музейной стене невольно вызвала в памяти и один эпизод из моей фронтовой биографии.

Газета Брянского фронта «На разгром врага», в которой я работал в то время, разместила в деревне Болото, что возле подмосковного города Белева. Позади были тяжелые дороги отступления, непрерывные бомбежки, выход из окружения. Все мы находились на пределе усталости. Я с писателем И. Рахтановым забрался на ночевку в избу, битком набитую солдатами, только что вышедшими из кровопролитных боев. Мы нашли на полу нетопленной избы свободное местечко и, уместив кулаки под голову, мгновенно уснули.

На рассвете я проснулся от гула голосов и безудержного смеха. Что такое? Оказалось, какой-то молодой боец демонстрирует своим сочложденникам, как он пройдет победным церемониальным маршем по Берлину. Ветхая избушка ходила ходуном под ударами его пудовых кирзовых сапог. Лицо у него было серьезное и, как мне показалось, сосредоточенно-счастливое, словно он действительно видел перед собой картину поверженного фашистского Берлина.

Он не был ни ясновидцем, ни прорицателем. Он был простым русским солдатом, одним из тех, кто превратил мечту в великую историческую и бессмертную явь.

Вот о чем напомнила мне фотография на музейной стене.

После провала наступления на Москву главнокомандующий фашистскими сухопутными войсками В. Браухич был уволен в запас.

Фашистская унтер-офицерская вдова, которая сама себя высекала.

Рисунок КУКУРИНИКСЫ.
(«Крокодил», № 2, 1942 г.)

Н. ЛИСОГОРСКИЙ, заслуженный художник РСФСР, капитан запаса.

Будни сорок первого

Летит к нам враг,
Фашистский враг.
Спешите, пожарники, на чердак!

Этот самодельный куплет озорно выкрикивает Тамара Никонова, когда мы бежим, топоча ногами по пожарной железной лестнице здания «Правды». Стараясь в темноте удержаться на покато́й крыше среди бочек с песком, наша пожарная команда занимает свои посты. Уже ожесточенно тархтят рядом спаренные зенитные пулеметы. Вывести из строя типографию, где печатается «Правда», «Красная звезда», «Комсомольская правда», «Крокодил» и другие издания, — задача фашистских летчиков. А наша задача — защищать эту крышу от «зажигалок».

Надеваем огромные рукавицы, берем щипцы. Приближаются блуждающие длинные лапы прожекторов. В них бьется, как ядовитое насекомое, серебристое тело самолета. С грохотом по крыше катятся, рассыпая фосфорические искры, зажигательные бомбы. Секунды проходят — бомбы сброшены во двор типографии и поспешно засыпаются песком. Мы перекликаемся, звучит смех, сыплются уже не «зажигалки», а остроты в адрес фашистского летчика...

В «Крокодиле» редактор Г. Рыклин смешил всех новым анекдотом о Гитлере, художник Л. Бродаты, подперев свой могучий лоб, размышлял над темой («Фашистский танк я срисую с рисунка Ефимова, у него всегда все точно»). С завистью глядел я на В. Ардова, красующегося в новенькой военной шинели.

Художник Л. Соифертис под большим секретом рассказал, что он помогает камуфлировать Большой театр и что фашистские летчики сбиты с толку, не могут отыскать здания...

Ввиду отступления гитлеровских войск под Москвой в Берлине запрещены зрелища и танцы.

— А я танцую.

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО.
(«Комсомольская правда», декабрь, 1941 г.)

ЗЕРКАЛО,

ИЛИ НОВОГОДНИЕ ГАДАНИЯ

В НОВОЙ ИМПЕРСКОЙ КАНЦЕЛЯРИИ

Над Берлином стояла страшная, непроглядная новогодняя ночь. С Восточного фронта дул ледяной ветер. Старый, 1941 год, положив в свой мешок миллионы убитых, раненых и пленных немцев, собирався в путь.

Стрелка часов показывала без четверти двенадцать. Гитлер бегал по своему кабинету в новой имперской канцелярии и нервно размахивал руками.

— Под Ленинградом бьют,— бормотал он,— под Москвой бьют, под Волоколамском бьют, под Калинином бьют, под Ростовом бьют, под Можайском бьют... Доннер веттер!.. Адъютант! Вошел адъютант.

Гитлер остановился перед ним в позе Наполеона и отрывисто бросил:

- Где не бьют?
- Не могу знать.
- Болван! Ступай!
- Слушаюсь..

Гитлер поерошил волосы, вытер со лба холодный пот и снова забегал по кабинету.

— Под Тулой 20 тысяч,— нервно забормотал он,— под Калинином 80 тысяч... Доннер веттер!.. Адъютант!

Вошел адъютант.

- Гадать!
- Чего-с? — не понял адъютант.

— Приготовить все для новогоднего гадания. Желаю гадать, как древний грек: по внутренностям животных. Принести молодого теленка и вспороть ему живот. Ну?

- Никак нет.
- Чего — никак нет?
- Теленка никак нет.
- Что? В Берлине нет теленка?
- Так точно. Помилуйте! Где же его взять, теленка?.. Все потребили.

— Негодяи! Только и знают, что жрать да жрать. Не напасешься... Скверно. Ну, ничего не поделаешь. В таком случае буду гадать, как древний француз: на кофейной гуще. Давай сюда кофейную гущу. Ну? Чего ж ты стоишь? Гущи нет, что ли?

— Так точно. То есть никак нет. Гуща есть, только кофею нет.

— Так-с. Печально. Ну, да ничего не поделаешь. В таком случае буду гадать... Не знаешь, как еще можно гадать?

— Можно еще гадать на картах,— робко сказал адъютант.

Лицо Гитлера побагровело.

— На картах?! — закричал он. — На каких картах? Может быть, на топографических? На военных? Мерси. Я уже гадал. Пошел вон, мерзавец!

— Слушаюсь.

— Постой! А на чем еще можно гадать?

— Можно еще гадать на зеркале.

— На зеркале? Очень хорошо. Зеркало. Мне это даже нравится. В этом есть что-то древнеарийское.

Через минуту на столе Гитлера стояло зеркало. По бокам его горели две свечи. Стрелки часов показывали без одной минуты двенадцать. Гитлер сел к столу и осторожно заглянул в зеркало. И в следующую секунду раздался его отчаянный, душераздирающий вопль.

Адъютант бросился к Гитлеру. Фюрер лежал в глубоком обмороке. Адъютант осторожно потер ему уши. Гитлер открыл глаза и простонал:

— Доннер веттер! Мерзавец! Я тебя просил принести зеркало, а ты мне подсунил какую-то отвратительную сумасшедшую рожу. Убери сейчас же!..

Над Берлином стояла страшная, непроглядная новогодняя ночь. С Восточного фронта дул ледяной ветер. Часы пробили двенадцать. Дверь новой имперской канцелярии отворилась. На пороге гитлеровского кабинета стоял малютка — новый, 1942 год. Он держал под мышкой большой гроб.

Мороз, как говорится в таких случаях, крепчал.

(«Крокодил», № 1, 1942 г.)

В борьбе с фашистскими полчищами под Москвой принимала участие Отдельная мотострелковая бригада особого назначения (ОМСБОН). Бригада состояла из добровольцев. В нее отбирали самых выносливых, самых сильных. Только из Института физической культуры изъявили желание служить в бригаде сто пятьдесят человек. Среди принятых были знаменитые бегуны братья Георгий и Серафим

Знаменские, прославленные боксеры Николай Королев и Сергей Щербаков, альпинисты Иван Мокропуло и Михаил Ануфриев, конькобежец Анатолий Капчинский, штангист Николай Шатов, баскетболисты Константин Травин, Виктор Правдин и многие другие. Был в бригаде и автор этих заметок — художник Диодор Циновский.

В ДНИ ОСОБОЙ ОПАСНОСТИ

В тревожные сентябрьские дни 1941 года мне поручили выпускать агитплакаты «Боевая сатира». Бригада размещалась под Москвой.

Не скажу, чтобы я с восторгом воспринял это задание. В те дни мы, комсомольцы-добровольцы, горели одним желанием: защитить столицу с оружием в руках.

Участились налеты фашистской авиации на Москву. В небе — аэростаты воздушного заграждения. По ночам — осветительные ракеты, сбрасываемые с вражеских самолетов, грохот зениток. Лучи прожекторов бороздили черное небо. Постоянные сирены воздушной тревоги хватали за душу.

Я уже окончил курсы снайперов. Да и успел отличиться: второе место на выпускных стрельбах. Первое занял Константин Травин, заслуженный мастер спорта. Перспектива: снайпер! Шутка ли! А тут агитплакаты...

Зная, что среди омсбонцев есть студенты из Института философии и литературы, попросил в помощь подобрать пишущих ребят. Желательно — с юмором... Художника-шрифтовика уже обнаружил: Иван Федорин.

И вот как-то в нашу комнатную вошел солдат. Высокий, до зависти симпатичный, чернобровый. Мы с Иваном ползали по полу, заканчивая очередной плакат.

Солдат подчеркнуто-театрально осматривал банки-склянки с кистями и красками, разбросанные повсюду листы бумаги.

И вдруг: — Сатиры острой здесь обитель, вам явно нужен сочинитель!..

Мы переглянулись. Иван не удержался.

— И долго думал?

— Да нет. Вместо «здравствуйте» или «привет»!

И протянул руку.

— Саррик.

Так состоялось наше знакомство. Новенький сразу включился в дело. Сейчас трудно поверить, что мы выпускали ежедневно по несколько плакатов. Но это было так. Плакаты вывешивались на улице, на территории расположения бригады. Бойцы собирались у витрины, обменивались впечатлениями, язвительно смеялись. А ведь бои шли на подступах к городу... Поистине смех был принят на вооружение Красной Армии!

А враг уже был у ворот. Над столицей нависла смертельная опасность. Объявлено осадное положение. Бригада особого назначения в середине октября вошла в город. Омсбонцы шли по затемненным улицам с пением.

...Звери рвутся к городу родному, Самолеты кружатся в ночи. Но врага за каждым домом Встретят пулей патриоты-москвичи!

Саррик говорил, что сочинил ее второпях вместе с Юрой Левитанским. Омсбонцы полюбили эту песню.

Меня направили в бригадную многотиражную газету «Победа за нами». Снайперские способности в счет не взяли.

Редакция занимала большую комнату в здании Дома Союзов. Здесь мы и жили. Случилось так, что в один из налетов вражеской авиации на Москву бомба угодила во двор Дома Союзов, но не взорвалась, а ушла глубоко в землю... ЧП! Переполох!

Срочное указание: немедленно оставить ближайше дома, выселить всех из гостиницы «Москва», не говоря уже о нашем Доме Союзов. Район оцеплен: особая опасность. Работали саперы.

А газета должна выходить...

Не берусь объяснить, каким образом удалось редактору Анатолию Тругманову добиться разрешения, но редакцию оставили в помещении. Работали допоздна, а то и вовсе не спали.

— Что ни говорите, а бомба оказалась умницей,— говорил Саррик,— не взорвалась!..

Нам удалось устроить встречу Саррика с Ильей Эренбургом. К тому времени Саррик напечатал несколько стихотворений в нашей газете, читал стихи бойцам при всяком удобном случае. Свои и чужие. Чаще Блока, Маяковского, Багрицкого.

Саррик прочитал Эренбургу несколько своих стихотворений.

Читал свободно, легко, с подъемом. Рукой взмахивал, как бы разрезая фразы ребром ладони.

Эренбург производил впечатление уставшего. Сидел в кресле, но не откинувшись на спинку, а подавшись вперед. Правая рука упиралась о стол: вот-вот встанет и уйдет, не сказав ничего...

В левой руке — трубка. Он вкладывает ее в рот и вынимает. Один раз, другой, третий. Не курит.

Долго молчал Эренбург. Мы смутились. Саррик стоял красным...

— А ведь молодец! Вот это молодец! — тихо сказал Эренбург и протянул руку. Знаменитый писатель хотел его поздравить, а Саррик не понял и подал ему два листка со своими стихами.

Эренбург взглянул на первый листок и нахмурился:

— Саррико? Что за странное имя?

Саррик смутился, но тут на помощь пришел Тругманов:

— А что делать, если так родители нарекли!

— Подписывайтесь лучше: Семен, — улыбнулся Эренбург. — Рядом с вашей фамилией это звучит.

С этого дня Саррик стал Семеном. Он гордился, что имя это подкасал ему сам Илья Эренбург.

А ведь и правда — звучит: Семен Гудзенко!

Д. ЦИНОВСКИЙ, заслуженный художник РСФСР.

Руку немец вздернет, «Хайль!» крича, Повстречался с немцем ежели, Но когда он русского встречал, Недостаточно был вежливым.

Все же он в конце концов Был приучен к вежливости нами.

И, встречая кое-где бойцов, Их приветствует ОБЕИМИ РУКАМИ...

Рисунки Д. ЦИНОВСКОГО, текст С. ГУДЗЕНКО. (Красноармейская газета «Победа за нами», 1941 г.)

Под Наро-Фоминском

М. СЕМЕНОВ, подполковник запаса

КНИГОНОШИ

К осени 1941 года дивизии и полки нашей 33-й армии, оседлав Калужское шоссе, дислоцировались к юго-западу от столицы. Линия фронта проходила по левому берегу реки Нары, повторяя ее прихотливые изгибы и петли. В центре обороны находился Наро-Фоминск, разрезанный узенькой полоской реки надвое: большая часть у неприятеля, меньшая — у нас. Оборона была жесткой: орудийный, минометный, пулеметный огонь не затихал ни днем, ни ночью. То и дело с обеих сторон предпринимались дерзкие вылазки, разведка боем. Москва по прямой была в семидесяти километрах.

Много это или мало?

С точки зрения противника, много: ведь в эти осенние дни 1941 года каждый метр продвижения стоил ему огромных потерь. Его атакующие цепи уже ничем не напоминали прежние brave наступательные порядки, гитлеровцы обливались кровью. Они со страхом думали о лежащих впереди огненных километрах.

С нашей точки зрения, мало, ужасающе мало! Подразделения и отделы второго эшелона нашей армии были в то время тесно связаны с тыловыми учреждениями, размещавшимися в самой Москве и ее пригородах. Нам приходилось частенько наведываться туда то за бумагой, то за красками, горючим или по иным нуждам нашей армейской газеты и типографии. Помнится, что линия укреплений начиналась сразу же за Калужской заставой. Минные поля, глубокие рвы подходили вплотную к дороге, а сбоку стояли наготове сваренные из рельсов «ежи», бетонные надолбы.

Обычно, когда наша «эмка», камуфлированная под лежащий вокруг грязно-белый снег, проскакивала мимо деревеньки Теплый Стан, то вскоре попадала под обстрел. Эта часть шоссе периодически простреливалась артиллерией противника. Проскочить благополучно пристреленную зону было равносильно выигрышу в лотерею. Написал я эту фразу и тут же подумал, что вряд ли нынешние обитатели Теплого Стана, в том числе мой родной внук, догадываются, что живут в районе, который всего сорок лет назад был зоной непосредственной боевой опасности.

Редакция нашей армейской газеты размещалась в деревне Толстопальцево, а отсюда до передовой было рукой подать. Отправляясь туда утром, мы уже к вечеру возвращались с блокнотами, полными записей для будущих заметок и очерков о героях обороны.

Нелегко приходилось обороняющимся: противник занимал господствующие высоты и хорошо просматривал наши оборонительные порядки. Особенно много беспокойства доставлял наблюдательный пункт, установленный гитлеровцами на крыше многоэтажной текстильной фабрики. С верхних этажей фашисты вели и минометный огонь. Однажды под этот обстрел попали и мы с политруком Василием Глотовым.

Стоял яркий солнечный день, и, когда мы с Васей направлялись на батальонный КП, фашистские минометчики устроили на нас настоящую охоту. Вероятно, виной всему были хорошо различимые издали ярко-красные нашивки Васиной офицерской шинели, которые он не успел поменять на зеленые, полевые. Пришлось укрыться за каким-то каменным строением.

Прижавшись к стене, мы ожидали окончания обстрела. И тут в наше укрытие юркнули двое мальчишек.

— Можно мы посидим тут с вами? — спросил один из них, веснушчатый паренек лет восьми-девяти. — А то немец стрельбу поднял.

Мы устроили ребятшек рядом с собой. Обстрел внезапно прекратился.

— Все, гансы пошли кофе пить, — сказал парень постарше. — Айда, Петька!

— Куда же вы теперь?

— Домой. Тут у нас недалеко блиндаж отрыт. Там наши мамки. Поедим и опять пойдем.

Тут только мы заметили, что оба паренька держали по увесистой пачке книг: учебники «Родная речь» для второго и третьего классов.

— Откуда у вас это? — спросил Глов.

Ответил веснушчатый:

— Фашисты снарядами книжный магазин разбили, там книг разных навалом на снегу валяется. Вот «Родную речь» и собираем. Отгоните немцев, школа опять откроется. А заниматься без учебников как? Мы еще пороемся, там и задачки должны быть.

Ребята поднялись со снега, взяли неумело перевязанные стопки книг и пошли. Когда они уже заворачивали за угол, тот, что постарше, обернулся и спросил:

— Вы ведь, дяденьки, по правде фашистов отгоните?

— А то как же! — заверили их мы. — Только так!

Иначе мы и не могли думать.

КАЛИНКА-МАЛИНКА

Тот, кто бывал на фронте, хорошо знает, как быстро фронтовики обживаются на новом месте. Стоит части сменить дислокацию, как она, будто губка влагу, впитывает в себя подробнейшие сведения об окружающей местности: где расположены основные дороги, какие вокруг водоемы, растет ли лесок, где можно разжиться топливом... И уж, конечно, в мгновение ока все дивизии облетела такая важная весть, что в зону нашей обороны входит знаменитая Апрелевка. И посланцы многих подразделений зачастили туда. Водители наших редакционных машин тоже побывали там. И вернулись не с пустыми руками.

Дело в том, что эвакуация известной Апрелевской фабрики грампластинок из прифронтовой полосы проходила в такой поспешке, что администрации не удалось вывезти запасы готовой продукции. Этим и пользовались армейцы.

Люди старшего поколения помнят, как были распространены до войны патефоны. Кажется, на душу населения их приходилось больше, чем теперь приходится телевизоров и транзисторных приемников. Существовал также обязательный для каждой семьи набор пластинок: немного классики, вальсы, фокстроты, танго, вокальные партии, состоявшие из неаполитанских песен, оперных арий и наиболее популярных номеров эстрадных певиц. Огромной славой в те годы пользовалась Лидия Русланова.

Такие наборы добыли в Апрелевке и полномочные представители нашей походной редакции. Музыка, песни звучали у нас по многу часов в день, заглушая порой орудийный грохот. Все мы были молоды, а молодости свойственны веселье, бодрость духа, несмотря на шагающую рядом смерть. А может быть, даже вопреки ей.

— Москва теперь далеко!

— Да, но москвичи, к сожалению, совсем рядом.

Рисунок А. БАЖЕНОВА.

(«Крокодил», № 5, 1942 г.)

Алексей РЕЗАПКИН

Фашистскому
солдату

Тебе обещали зимовку в Кремле —
Зачем же ты роешься в мерзлой земле!
Ты б шел на Тверскую! Ты б шел на Арбат!
Иль наши снаряды идти не велят!..
Скажите на милость! А фюрер вопил,
Что все наши пушки в крови утопил,
Что армии наши в плену и в земле, —
Тогда почему ж не сидишь ты в Кремле!..
Ты б вышел на площадь, устроил парад!
Иль мины и пули идти не велят!..
Но кто в вас стреляет!.. Чего ты молчишь
И только зубами от стужи стучишь!
Тебе обещали зимовку в Кремле —
Зачем же ты роешься в мерзлой земле!
А впрочем, копай свой последний окоп!
Ложись — и могилу засыплет сугроб!
Креста не дожدهшься: вас много окрест —
И общий над вами поставим мы крест!

(«Крокодил», № 2, 1942 г.)

ЗАБЛУДИЛИСЬ.

— Наконец-то мы попали в
расположение наших частей!

Рисунок

К. ЕЛИСЕЕВА.

(«Крокодил», № 26, 1941 г.)

Особенно часто слышался из оставленного прежними обитателями избы патефона сильный голос Руслановой:

— Калинка-калинка моя,

В саду ягода малинка моя...

В нашей, по-теперешнему говоря, дискотеке были и танго «Утомленное солнце», вальс «Дунайские волны», арии И. Козловского, одесские песенки Л. Утесова, но чаще всех звучала именно руслановская «Калинка». Особенно, когда возвращался с задания политрук, корреспондент отдела партийно-политической работы Сергей Калинин. Исполнение в его честь «Калинки» стало обязательным ритуалом.

Друг наш Сережа перед самой войной окончил Московское партийно-политическое училище имени В. И. Ленина и готовился поступить в академию. Война изменила его планы. Но в планшете, с которым Калинин никогда не расставался, он бережно хранил учебную программу академии и даже вел тайком конспекты.

Он принадлежал к разряду тех военных журналистов, которые начисто лишены поверхностности и свято исповедовали неписаное правило: собирая материал для газеты, смотреть в корень. Докапываться до истины, исследовать поступок героя во всех деталях и подробностях было его негасимой страстью. И эта неуемная страсть постоянно заводила Сергея в самое пекло, туда, куда человеку с блокнотом соваться совсем не обязательно. Но Калинин совался и частенько возвращался в редакцию в простреленной шинели, чумазы от какой-нибудь блиндажной коптилки, усталый, обросший щетиной. Оказавшись в кругу друзей, он постепенно приходил в себя и совсем оттаивал, слыша любимые звуки «Калинки».

Но однажды случилось непоправимое... Задержавшись на передней линии допоздна, Сережа понял, что к ночи вернуться в Толстопальцево не успеет. И решил заночевать в избушке полковых связистов. Ночью начался ожесточенный бой. Связисты ушли на линию ликвидировать обрывы телефонной связи, а Сережа уснул. Вернувшись к утру связисты увидели, что вражеский снаряд целиком снес бревенчатую стену избышки. На полу, положив голову на планшет, лежал политрук Калинин. Казалось, что он продолжает спать. И лишь небольшая осколочная рана на виске говорила: неутомимый, дотошный корреспондент армейской газеты «За правое дело» больше никогда не встанет.

Утрата Сережи тяжело отозвалась в каждом из нас. Может быть, она была такой тяжелой потому, что оказалась первой.

Острота потери со временем прошла. Но мы уже никогда не ставили на патефонный диск пластинку с «Калинкой»...

ЗЕМЛЯ НАШЕНСКАЯ

Сводки Совинформбюро за октябрь—ноябрь 1941 года характеризовали обстановку на нашем участке Западного фронта как бои «местного значения». Какая будничная формулировка, и как много скрывалось за ней! Бои эти с их постоянным напряжением, непрерывными вылазками в расположение противника, ночным поиском, прощупыванием вражеской обороны и неизбежными горькими потерями терзали душу, изматывали нервы.

Казалось, этим мучительным дням и ночам не будет конца. И в то же время душой и сердцем чувствовали — перемена близка. Вся 33-я армия начиная от ее командующего генерал-лейтенанта М. Г. Ефремова до ефрейтора, ротного ездового, доставляющего в окопы цинки с патронами, знала: недалеко то утро, когда протрубят в туманной дымке боевые трубы, раздастся оружейный гром, небо озарится огненными сполохами и, развернув знамена, полки двинутся вперед.

Да, пришел студеной декабрь и с ним — историческое контрнаступление советских войск под Москвой. В первые же часы сражения 33-я армия, пополненная свежими силами, очистила от гитлеровцев Наро-Фоминск и покатила по заснеженным полям все дальше и дальше.

Странное чувство испытывали бойцы и офицеры. Они шли по своей родной земле и как будто открывали ее вновь. У станции Балабаново произошла заминка: наступающие натолкнулись на яростный пулеметный огонь фашистов. Однако вскоре очаг сопротивления был подавлен. И когда наши бойцы уже вскочили на бетонную платформу станции, один из них, может быть, сибиряк или уралец увидел чудом сохранившуюся вывеску «Станция Балабаново».

— Братцы, — обратился он к товарищам, — это же Балабаново! У меня и сейчас здешние спички есть. — И боец вынул из кармана шинели помятый коробок Балабановской спичечной фабрики. — Земля-то нашенская!

И Боровск, и Веряя, и сотни освобожденных 33-й армией подмосковных поселков и деревень — все это была родная, нашенская земля. Недолго томилась она в неволе, всего три-четыре месяца, но воспринималась как заново рожденная. Рожденная для мира и созидания...

Это было на Западном фронте осенью сорок первого года, на одном из полевых аэродромов восточнее Вязьмы. Тогда, в начале войны, я был заместителем политрука, служил в редакции газеты «Бей врага» 202-й истребительной дивизии. На аэродром приехал, чтобы собрать материал о вчерашних воздушных боях.

Погода в тот день выдалась нелетная — с утра зарядил дождь, а к полудню небо затянуло густая непроницаемая пелена. С молодым летчиком Петей Ростовым (потому, наверное, и запомнилась фамилия) мы уютно устроились под крылом истребителя, стоявшего на опушке леса и заваленного для маскировки зелеными березками.

Младший лейтенант Петя Ростов, который накануне сбил свой второй по счету фашистский самолет, был немногословным человеком.

— Как сбил, спрашиваешь? Очень просто... Зашел со стороны

солнца и врезал на всю катушку. Он и того...

— Что «того»?

— Загорелся...

Наша увлекательная беседа подходила к концу, когда над опушкой вдруг раздался протяжный крик:

— Артисты при-е-ха-ли!

Моего собеседника точно ветром сдуло. Бросаю след за ним и вижу, как со всех сторон бегут в глубину леса летчики, мотористы, бойцы аэродромной службы.

Артисты уже вышли из запыленного, изрядно потрепанного на фронтовых дорогах автобуса. В концертной бригаде было человек десять — двенадцать. Узнаю Хенкина, Гаркави... Обступили их так, что не протолкнешься.

Всеобщим вниманием сразу завладел конференсье Гаркави. Огромный, с широкой открытой улыбкой, он на голову возвышался над всеми.

— Михаил Наумович, — с тре-

ОСЕННИЙ ЛИСТОПАД.

Рисунок Ю. ГАНФА.
(«Крокодил», № 23, 1941 г.)

А бойцы и насмешкою били...

Маленький синий платочек
Немец в деревне украл.
В долгие ночи, зимние ночи
Шею он им покрывал.
Порой
Ночной
Лишь ветра холодного вой.
Накинув платочек,
Сжавшись в комочек,
Мерзнет фашист под Москвой. Им не вернуться домой.

Крепче и крепче морозы,
В поле бушует пурга,
Рушатся в прах арийские грезы,
Пыл остудили снега.
Теперь,
Зимой,
Удар получив под Москвой,
В панике фрицы
Мчат от столицы...

Батальонный комиссар М. КОСЕНКО.

Лез к Москве фашист-наильник
Через надолбы и рвы.
Крепкий русский подзатыльник
Получил взамен Москвы.

Красноармеец
Н. БОРОДАЧЕНКО.
(Журнал «Фронтовой юмор»,
№ 2, 1942 г.)

Про собаку, которая укусила Гитлера

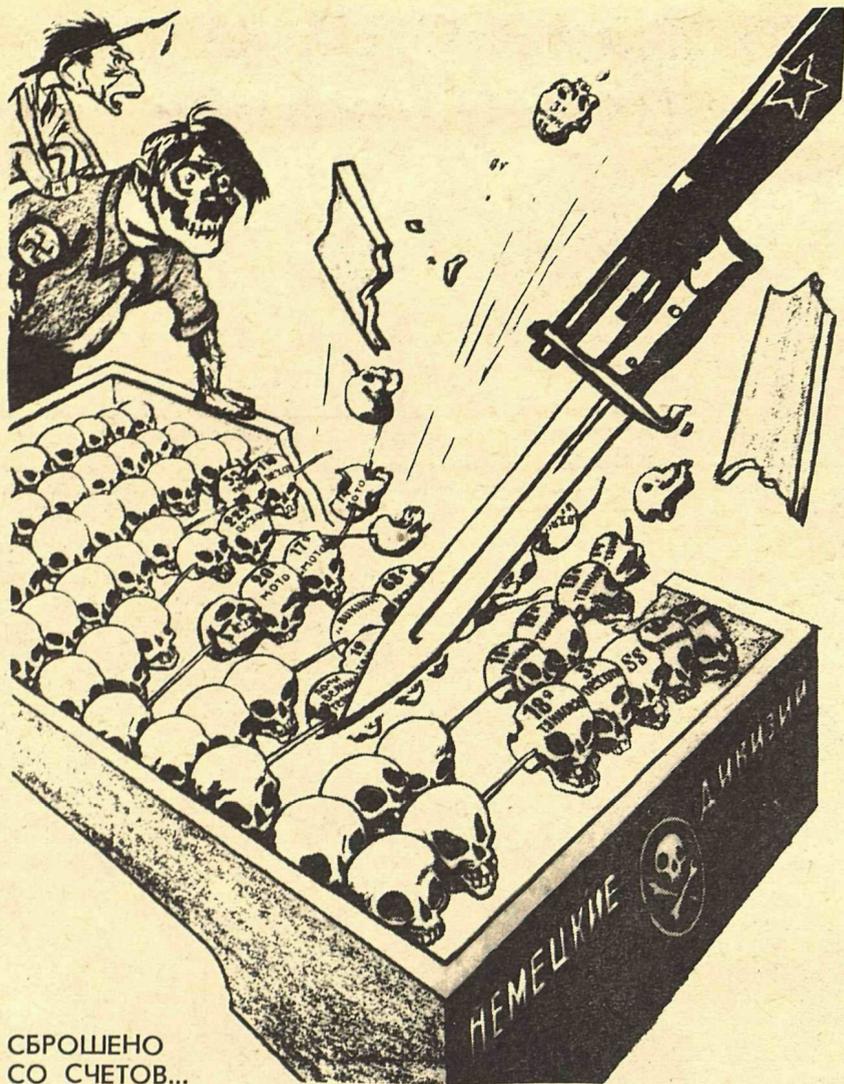
было конца. А прочитал Гаркави вот что:

Гитлера собака укусила в ногу,
Во дворце ужасный был переполох...
Гитлер эту ногу почесал немного,
Ну, а пес взбесился и тотчас издох.

И еще:
Гитлер ждал ответа от Наполеона:
«Ты скажи, чем кончу я с Россией бой!»
Тот ему ответил из могилы сонно:
«Я, Адольф, подвинусь, ты ложись со мной!»

...Много лет спустя, уже после войны, мы вспоминали с Михаилом Наумовичем Гаркави об этом концерте на полевом аэродроме. Он говорил, что ни одна его конференция реприза не пользовалась на фронте таким успехом, как строки о собаке, которая укусила Гитлера...

Гвардии старший лейтенант запаса Ник. КРИВЕНКО.

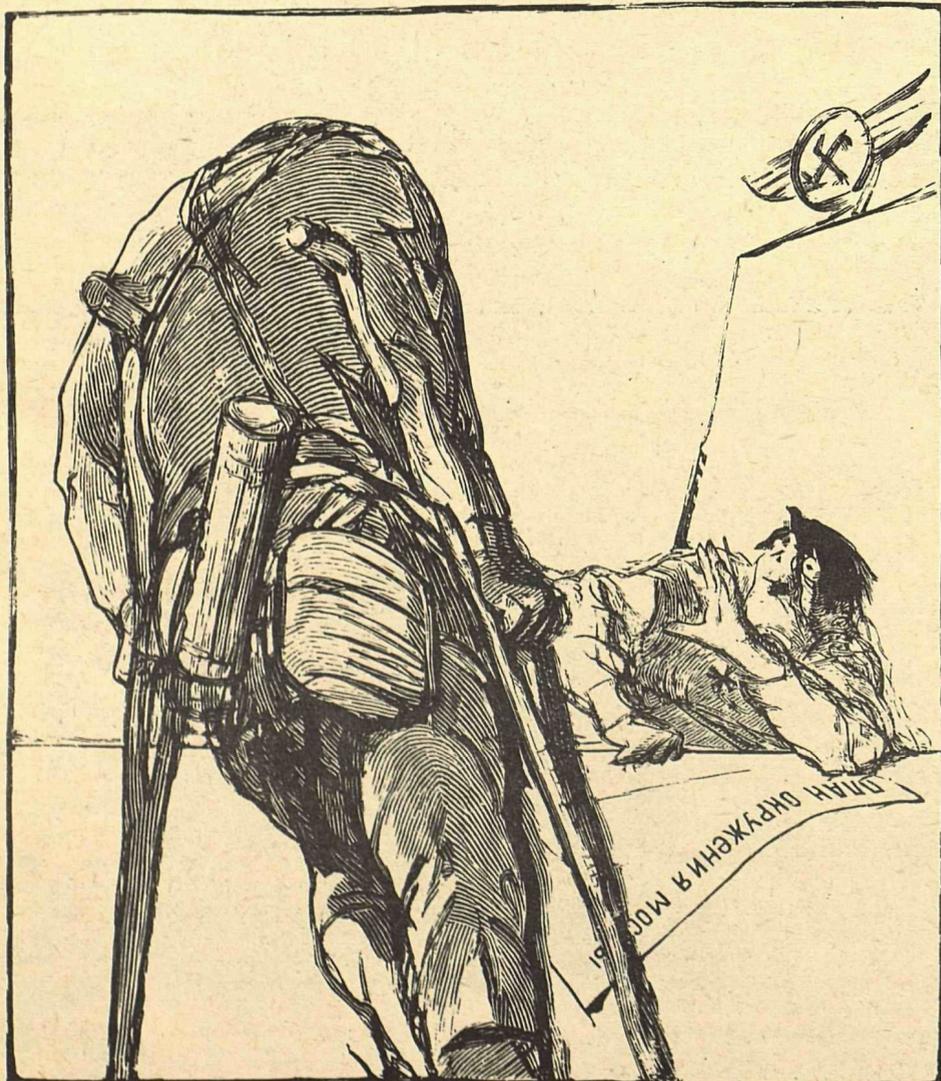
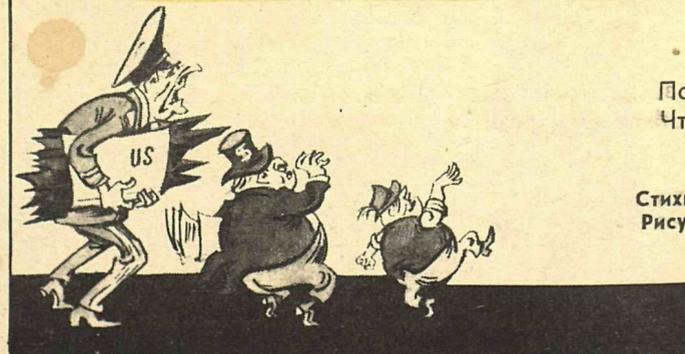
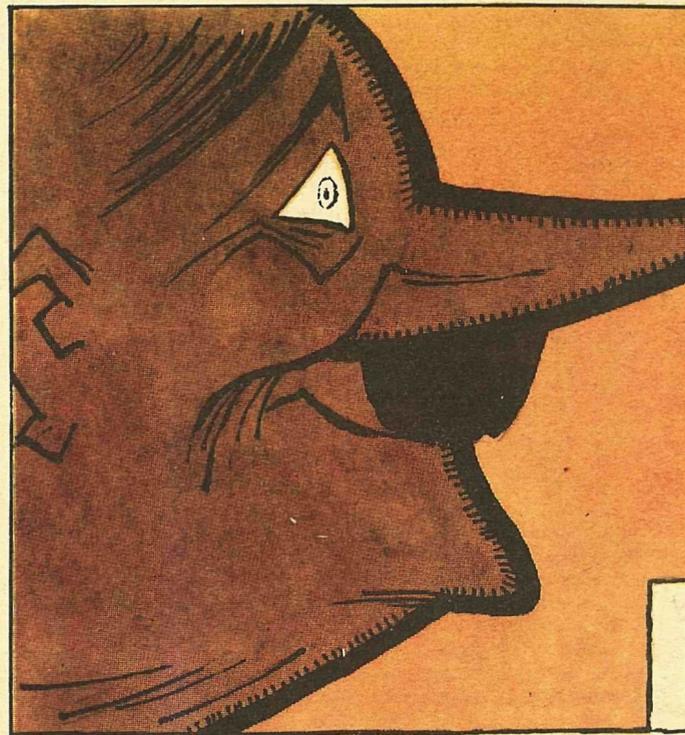

СБРОШЕНО
СО СЧЕТОВ...

Рисунок И. СЕМЕНОВА.
(«Крокодил», № 23, 1941 г.)

Точно по цели!..
Ни выстрела мимо!..
— Рухнуть врага
Чем угодно не грех.
Бил по фашистам
неукротимый
снайперский, грозный
гвардии смех...

КРОКОДИЛ ИВОЗА

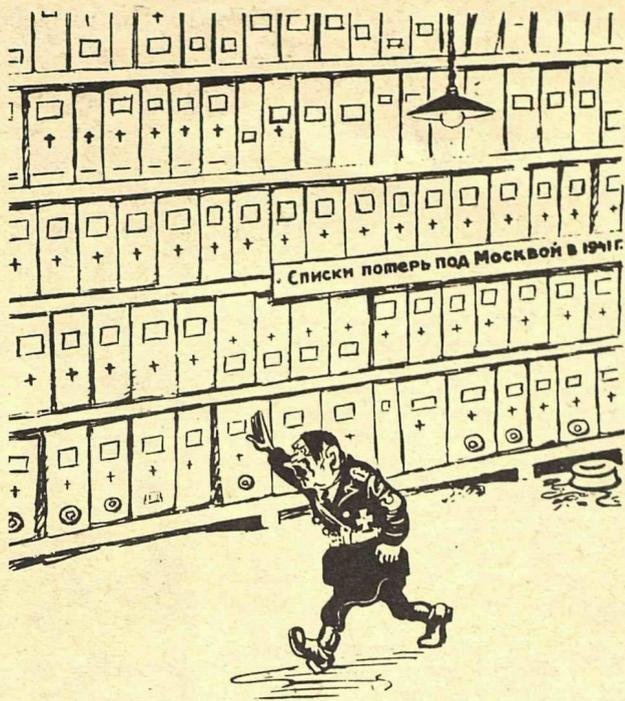

В СТАВКЕ
АДОЛЬФА
ГИТЛЕРА.

Вестник
с восточного
фронта.

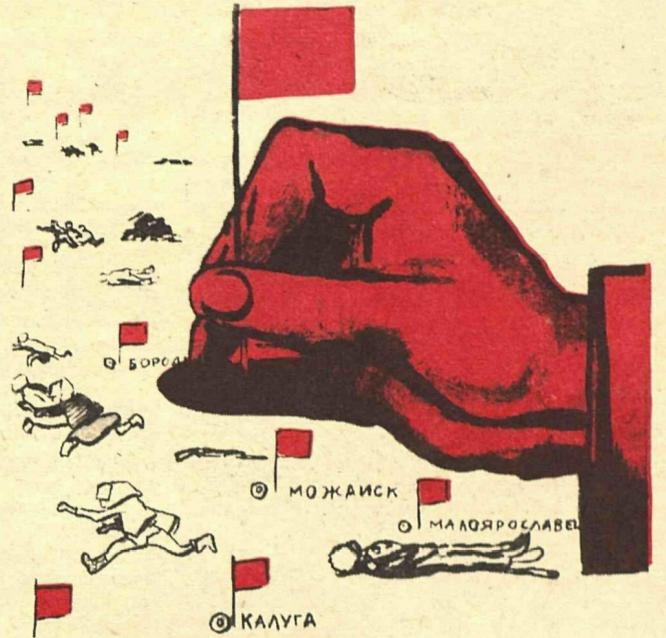
Рисунок
В. ГОРЯЕВА.
(Журнал
«Фронтowej
юмор»,
№ 4, 1941 г.)

По
Чт
Стих
Рису

Смотр войскам, участникам «похода на Москву».

Рисунок В. ВАСИЛЬЕВА.
(«Крокодил» № 17, 1942 г.)

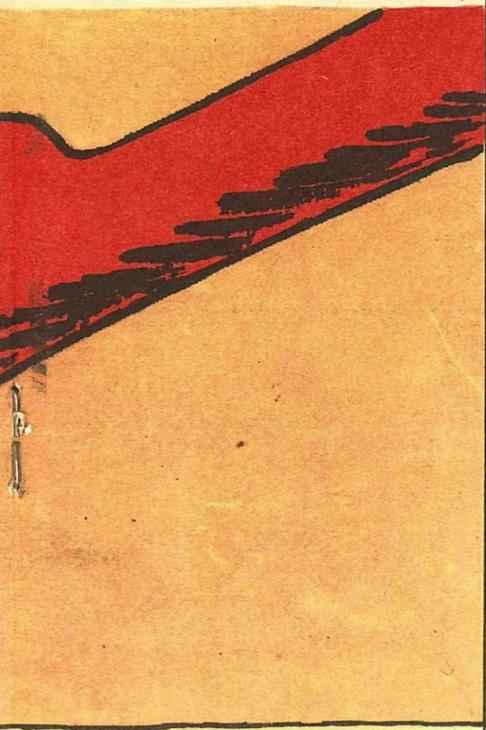

«В районе Можайска, у деревни Л., красноармеец-снайпер Кутузов метким огнем уничтожал фашистов. Противник, не выдержав точного огня нашего снайпера, поспешно оставил деревню».

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

 ЛИНИЯ ФРОНТА

лезно вспомнить этим лицам, что стало с гитлеровским «блицем».

и С. МИХАЛКОВА.
инок М. АБРАМОВА.

«Русские не прежде пожелают вкусить сладости мира, как истребив коварного неприятеля, осквернившего своим нападением землю отцов наших». **Михаил Кутузов.**

Рисунок П. СОКОЛОВА-СКАЛЯ.
(Журнал «Фронтовой юмор», № 7, 1942 г.)

Ю. БОРИН, Гр. КРОШИН,
специальные корреспонденты Крокодила

Желанный ГОСТ

А было так. Соавторы, посланные порознь в Архангельск и в сибирский городок Тулун (на берегу реки Ия в Иркутской области), зашли, не сговариваясь, в булочную с целью покупки чего-нибудь съестного на ужин.

Но, видно, не ту булочную выбрали. И в Тулуны и в Архангельске хлеб оказался плохо пропеченным, а по форме сильно смахивал на шляпу, уцененную с большим опозданием.

И как-то так уж совпало, что именно в дни пребывания там соавторов местные торговые инспектора по качеству на Тулунском хлебозаводе забраковали десятую часть всего проверенного хлеба, а на Архангельском комбинате и вовсе пятую.

Ясное дело, спецоры наострили перья, после чего завязалась оживленная беседа на известную тему ОТК: Отчего Такое Качество?

— Ну, во-первых, из-за нарушения технологии выпечки, — поведали в Архангельске, — во-вторых, из-за плохой работы хлебных машин. В-третьих, самое главное, мука, из которой...

А вот что сказали тулуцкие:

— Основные причины брака — это, конечно, нарушение технологии выпечки, и барахлят машины. Ну, и еще мука, из которой...

Возвратившись в редакцию и обменявшись впечатлениями, мы поняли, что тут чего-то не того. И направились в Минторг РСФСР к самым главным инспекторам по качеству хлебопродуктов.

— И часто у вас так бывает! — спросили мы исполняющую обязанности начальника отдела А. М. Лаврищеву.

— С браковкой хлеба! Да, к сожалению, бывает частенько. В Бурятии, например, на Усть-Баргузинском заводе забраковано изрядное количество изделий. На Губкинском хлебокомбинате в Белгородской области несколько тонн хлеба пошло в переработку...

— А в чем же дело?

— В чем! — Анна Макаровна вздохнула. — Практически везде одно и то же: нарушение технологии выпечки, неработающие машины, да и мука, пшеничная хлебопекарная мука. В ней подчас все дело. Но... Про нее вам никто — ни мы, ни торговля, ни даже сами хлебопеки — точно не скажет, какая она должна быть. То есть какие требования к ней надо предъявлять, чтобы из нее наверняка получился пышный, вкусный и стройный по форме каравай. Понимаете!

Очень хотелось бы понять, но увьи!..

И тогда соавторы решили провести эксперимент: испечь что-нибудь этакое. Но поскольку в хитром пекарном деле мы не мастаки, обратились к помощи ученых мужей.

Для эксперимента было взято небольшое количество пшеничной муки Лисичанского и столько же муки Сватовского комбинатов хлебопродуктов. А в лаборатории Всесоюзного научно-исследовательского института хлебопекарной промышленности из каждой партии муки нам взяли испечь по отдельному караваю.

И вот хлеб готов. Одна буханка (из лисичанской муки) получилась румяной, высокой, с гладкой, золотистой и аппетитной корочкой, а другая (из муки сватовской) — расплывчатая, мятая, как та шляпа...

— Вообще-то не всегда хлеб из лисичанской муки лучше, чем из сватовской. Бывает и наоборот. Смотря какая партия, — уточнили ученые.

— А как заранее определить ее качество? То есть годится ли она для хлеба или нет?

— А никак, — разочарованно разводил руками завлабораторией Т. И. Шкваркина. — Мы-то, конечно, знаем, какая нам нужна мука, но забраковать муку, не отвечающую нашим хлебопекарным требованиям, не можем сегодня: нет на нее ГОСТа... Понимаете!

А мы снова не понимали... И тогда нам подробнейшим образом, как первоклассникам, было разъяснено, что когда пшеничную муку для будущих батонов и булок еще только готовят на мельнице, то бдительно следят, чтобы эта мука имела нужную влажность, крупноту помола, чистоту и ряд других свойств «характера», которые определены для такой муки очень давно, еще аж в 1938 году, временными нормами тогдашнего

Наркомата заготовок. И вот если мука этим требованиям отвечает, хлебная инспекция благополучно ее пропускает для изготовления хлеба. Потом из этой одобренной муки на заводе выпекают батон, который уже другая инспекция — торговая — бракует. По какой причине! А очень все, оказывается, просто. Дело в том, что в тех самых временных нормах сорокалетней давности нет требований, учитывающих хлебопекарные свойства муки, то есть вовсе не гарантировано, что из этой отличной муки получится столь же отличный батон или буханка. А раз эти требования не ставятся мельничным работникам, то тех и не особенно волнует эта проблема. Смешно, правда!

— Не смешно.

— Временные нормы на муку, которыми все сейчас пользуются, — грустно подытожила Татьяна Ивановна, — давно устарели: ведь за эти сорок с лишним лет условия и на мельницах и на хлебозаводах сильно изменились.

Конечно, наука для нас — большой авторитет, но на этот раз, честно признаемся, мы не поверили. Неужели и впрямь такая ситуация! Захватив обе буханки, мы двинулись в Госстандарт СССР. Где же, как не в этой высокой инстанции, могут нам точно сказать, каково положение сейчас со стандартизацией муки для пшеничного хлеба! И правда ли, что этого стандарта нет уже более сорока лет!

— Правда, — подтвердила куратор хлебопекарной промышленности И. Е. Борзенкова, взглянув на наши караваи.

— Но спрашивается: неужели так трудно за десятки лет выпустить ГОСТ, в котором поставить все точки над «i»!

— Мы-то хоть завтра. Но вот два союзных министерства — Минзг и Минпищепром — никак между собой не договорятся. Пищевики требуют, чтоб в этом стандарте были основные показатели муки для хлебопечения, а заготовители возражают. Боятся, видимо, что не смогут их обеспечить. Так и спорят. С довоенных времен...

— Так, может быть, наконец Госстандарту взять это дело в свои руки и...

— Конечно, уже пора, — согласились с нами в Госстандарте. — Больше того, уже действует рабочая группа по выработке ГОСТа. Но вот заготовители, основные разработчики этого документа, что-то тянут...

— А может быть, Министерству заготовок СССР взять да и...

— Конечно, давно нужен этот ГОСТ, — согласился с нами и начальник Главмуки Минзгав В. Г. Кулак. — Мы его уже вовсю разрабатываем, чтоб потом согласовать с пищевиками, но вот пищевики с этими своими хлебопекарными показателями... Не хотят пойти нам навстречу!

— Так, может быть, Минпищепром!..

— Конечно, — согласен с нами и начальник Упрхлеба В. В. Кочергин. — Уж нам-то, как и покупателям, больше всего нужен этот ГОСТ! Но что мы можем поделать, если основные разработчики стандарта — Минзг — никак не хотят понять, что от этих показателей впрямую зависит качество будущих батонов и саек! А Госстандарт не может до сих пор на них повлиять...

Так мы убедились, что все эти десятки лет в трех солидных инстанциях не сидят сложа руки. Торговля бракует у хлебопекоев нестандартные буханки, на что имеет все основания и полное право. Хлебопеки пытаются браковать муку, на что имеют все основания и никаких прав. Тогда они апеллируют к своему вышестоящему начальству — Минпищепрому, на что имеют и основания и полное право. Начальство периодически ставит вопрос перед Госстандартом: когда же наконец будет ГОСТ! Госстандарт с той же периодичностью адресует этот вопрос союзному Минзгау, который медленно разрабатывает стандарт, так как мешают хлебопеки. А те иначе не могут, так как торговля знает себе бракует нестандартные буханки, на что имеет все основания и полное право... И так далее по кругу (см. выше).

И все при деле. А дела нет. Больше того: по сведениям хлебопекоев, из-за отсутствия стандарта страна теряет сегодня до 20 килограммов на каждой тонне готовых изделий! Понимаете!

Лично мы отказываемся понимать.

Из записной книжки Крокодила

Признаюсь, больше всего на свете я люблю помогать людям. Как отдельным взятым, так и целым коллективам, заводам, организациям. Об этом, кстати, говорят и мои рубрики: «Крокодил помог», «Вы мне писали», «По тому же поводу». Но в журнал попадает далеко не вся информация о том, что мне удалось сдвинуть с мертвой точки и что не удалось. Кое-какие свои мысли и наблюдения, связанные с действительностью моих выступлений, с реакцией инстанций на читательские письма, я заносу в специальную записную книжку. Вот некоторые из них.

КРОКОДИЛ.

СЛАДКИЙ ЧАЙ БЕЗ САХАРА

Большое, выстраданное письмо о сорванной охоте прислал мне из Якутии читатель П. Попов. «Какой кабан ушел! — трагически восклицает он. — И все из-за неисправной пружины».

Лаконична, как выстрел, информация тульских оружейников: «Тов. Попову отправлена пружина магазина для охотничьего МЦ 21 — 12». И так, ружье, обозначенное в первом действии, то бишь в письме Попова, выстрелило, хотя и условно, во втором. Надеюсь, выстрелит оно и на практике, в условиях лесной местности.

Счастливей вам охоты, тов. Попов!

На пулеметную очередь скорее похож ответ из объединения «Союзоргтехника». Но не на качество пулемета сетовал в своем письме житель Ульяновска О. Морозов. У него заклинило пишущую машинку «Москва», выпущенную «Союзоргтехником». И вот теперь ее отремонтировали, и она тоже строчит, как пулемет.

Ах, какое это, очевидно, наслаждение отстучивать официальный ответ на исправной машинке собственного производства! Про другую свою же исправную машинку!

Говорят, доброе слово и кошке приятно. Приятно оно и мне, Крокодилу, представителю сатирической фауны. Интересный парадокс: я чеховщю и приговождаю, а мне и моим подзащитным от объектов критики поступают чуть ли не любовные послания.

К примеру, такой порадовавший меня реверанс читателю Б. И. Жуковскому (Кривой Рог) со стороны директора Полтавского завода металлоизделий А. Т. Николаева: «Борис Иванович, мы очень извиняемся перед Вами за причиненную неприятность и просим срочно выслать велосипед «Орленок» на завод. Создана специальная комиссия по проверке указанных в Вашем письме недостатков велосипеда. Виновники брака будут строго наказаны. Вы получите новый велосипед».

Люблю я за чашкой чая почтительно выслушивать сладоточивые (в хорошем смысле слова) ответы. К тому же экономия на сахаре получается. Чай и без него кажется сладким.

Особенно приятно гонять чай под ответы чулочных предприятий. Вероятно, чулочное производство каким-то образом способствует признанию и исправлению ошибок. Что-то в нем есть располагающее к самокритике. Помню, как в прошлом году порадовал меня ответ начальника ОТК Черемховской чулочной фабрики О. Королевой, когда на моей выставке бракованных изделий (№ 23) экспонировалась пара детских гольфов разной длины. Заметку черемховцы обсудили на собрании, перепроверили технологию, ужесточили контроль.

Недавно получен ответ от генерального директора Ленинанканского чулочно-носочного объединения А. Григоряна, которое выпускало нестандартные перчатки. В 22-м номере за этот год я поместил фото

такой экзотической перчаткой, смахивающей на кактус. И опять немедленная реакция на критику, измененные технологии, наказание виновных (одним объявлено по строгому выговору, другие лишены премии).

Но, конечно, моя помощь людям не ограничивается чудочно-перчаточным поприщем. Будучи от природы любопытным, я сую свой нос в самые различные сферы человеческого бытия. Кому помогу потолок побелить, кому — призвать к ответу хулигана, кому — ребенка устроить в ясли.

Очень возмутило меня решение Лазаревского райисполкома города Сочи, снявшего с очереди на квартиру семью В. Лушковой, в которой двое детей. Поводом для такого решения послужила смерть мужа гражданки В. Лушковой. Сочинская прокуратура по моей просьбе вмешалась в это дело, семья Лушковых будет восстановлена в прежней очереди.

Кое-кому со стороны может показаться, что я порой мельчу. И радуюсь по пустякам.

Удалось мне, например, наладить сон жителю подмосковного города Солнцево И. Сухобокову, и я уже на седьмом небе. Хотя всего-навсего, как отвечает на фельетон «Человек в шлепанцах или пожиратель огурцов» (№ 23) заместитель председателя Солнцевогорского горисполкома Е. Гусаков, «произведена ориентация светильника во избежание засветивания окон дома и замена ртутной лампы на менее мощную». Операции действительно пустячные. Но зато какой выигрыш — человек получил возможность спать по ночам.

Не на магистральную тему был написан фельетон «Бани в Рязани» (№ 19). И все-таки, я уверен, в Рязани не без интереса прочитают строчки из ответа своего земляка Л. Наумова — заместителя председателя горисполкома. «Исполком обязал городское управление коммунального хозяйства, банно-прачечный трест улучшить культуру обслуживания в действующих банях, в короткий срок обеспечить их необходимым оборудованием и материалами. Будут приняты срочные меры по ускоренному строительству бани на улице Чапаева. Решено также соорудить баню оздоровительного типа в Московском районе».

Но, увы, попадают мне и ответы, от которых даже подслащенный чай кажется горьковатым на вкус.

КОНСТАТИРУЮЩИЕ ИНСТАНЦИИ

Среди руководящих работников, чьи подписи стоят под ответами, попадают и большие хитрецы. Кое-кто из них как бы снисходительно похлопывает меня по плечу: молодец, дескать, дружище Крокодил, правильно отображаешь жизнь, дуй и дальше в том же духе. Действительно, мол, в нашем городе имеется химзавод, наряду с которым имеется и атмосфера, которую он отравляет. И про рыбу ты верно подметил — всплывает-таки она кверху брюхом.

И все. И никакой оценки сих при- скорбных фактов.

Секретарь Кувандыкского райкома КПСС Оренбургской области С. Колпашников откликнулся, скажем, на заметку «Для новых Колумбов» (№ 9). В ней говорилось о том, что в реке Сакмара третий год стоит заброшенный земснаряд местного завода механических прессов.

«Действительно, — хладнокровно констатирует он, — земснаряд приобретен заводом три года назад для намыва грунта. Оказалось, что пустить земснаряд в эксплуатацию завод не может в связи с ограниченным лимитом электроэнергии».

Позвольте, товарищ секретарь, а где же отношение райкома к факту

всплывшей бесхозяйственности? По чьему-то недомыслию бездействует и ржавеет дорогостоящий агрегат, а виновных вроде бы и нету!

С поиском виновных и на других водоемах, прямо скажем, туговато. Еще в 1977 году сильный шторм искоренил и выбросил на берег Финского залива баржу. И с тех пор ее не могут сдать в металлолом. Об этом говорилось в Крокодилском Мартене (№ 7). Этот же факт признает в своем ответе и начальник Ленинградского Западного порта В. Федотов. «Начальник Усть-Лужской пристани В. Иванов, виновный в задержке сроков оформления документов на списание баржи, — разъясняет он, — за преступно-халатное отношение к служебным обязанностям в 1978 году от занимаемой должности отстранен и привлечен к строгой ответственности».

Если бы эти строки мне написали в 1978 году, я бы еще удовлетворился. Но и фельетон и ответ датированы нынешним годом. Отчего и создается впечатление, что начальник Усть-Лужской пристани передал свою преступно-халатную эстафету другим лицам.

ТРЕБУЕТСЯ ПРОКУРОР

Иногда мне хочется повесить у своих дверей объявление: «Требуется прокурор». Хорошо бы прокурор на правах соавтора подписывал все мои публикации! Пусть даже половину гонорара получал бы — не жалко. Зато виновные в тех или иных недостатках сразу откликнулись бы. А то некоторые прочитают про себя критику и уходят в подполье. Будто и не про них написано.

Пожалуйста, пример. В фельетоне «Загвоздка в закладке» (№ 24) говорилось о россыпях зерна на станции Слободская. Уж кому-кому, а руководству Одесского отделения железной дороги хорошо известно, что зерно это просыпалось из вагонов, которые либо не приспособлены для перевозки зерна, либо плохо подготовлены. Однако руководство отделения сделало вид, будто оно здесь абсолютно ни при чем.

Тут-то и пришел мне на помощь прокурор Ленинской транспортной прокуратуры А. Ильинский. После его вмешательства строго наказаны виновные в потерях зерна, организованы рабочие группы по контролю за хлебными грузами, для начальников станций проведен семинар по сохранности перевозимого зерна.

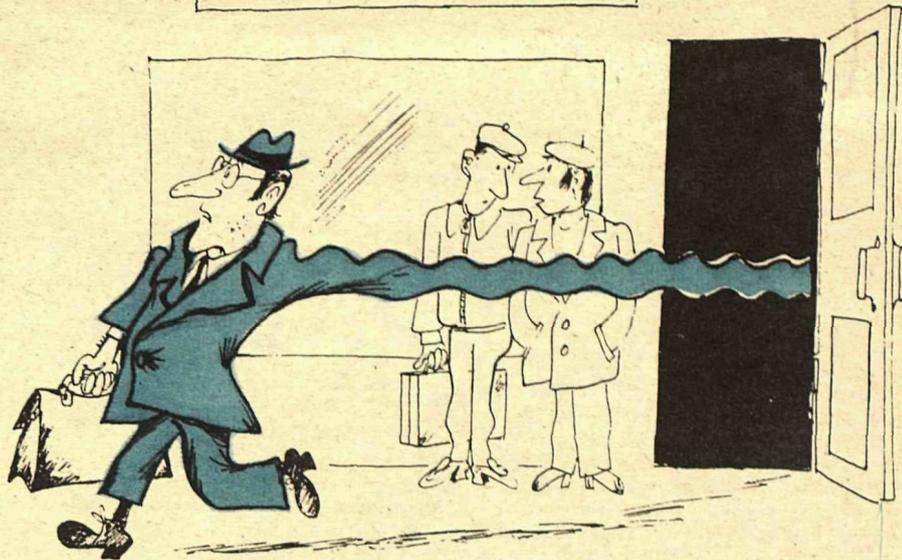
Но не все юристы радуют меня своими ответами. Вот недавно распечатываю конверт из отдела юстиции Гродненского облисполкома. Читаю: «По поводу письма гражданина (следует фамилия одного из членов редколлегии «Крокодила») сообщаем...» Ну, во-первых, выясняется, что названный гражданин инсем в редакцию не писал. И я его письма в Гродно, естественно, не пересылал. Во-вторых, есть подозрение, что фамилия члена редколлегии по девичьей расейности выписана из журнала вместе с адресом редакции начальником отдела юстиции И. Мартыничком, приславшим уникальный ответ. Он и перепутал сотрудника редакции с автором письма.

Казалось бы, чепуха: легкая путаница с фамилиями. А веры в написанное уже нет.

* * *

Итак, в моих записках отражены три группы авторов официальных ответов: те, кто согласны с моей критикой и с готовностью искореняют недостатки; те, кто с критикой согласны, но ничего не исправляют; и те, кто критику как бы не замечают. Мне остается только уповать на то, что первая группа официальных лиц будет пополняться за счет двух других.

АТЕЛЬЕ

— Я же говорил, что у него рука в ателье...

Рисунок Г. и В. КАРАВАЕВЫХ.

В обстановке, приближенной к действительности.

Рисунок И. СЫЧЕВА.

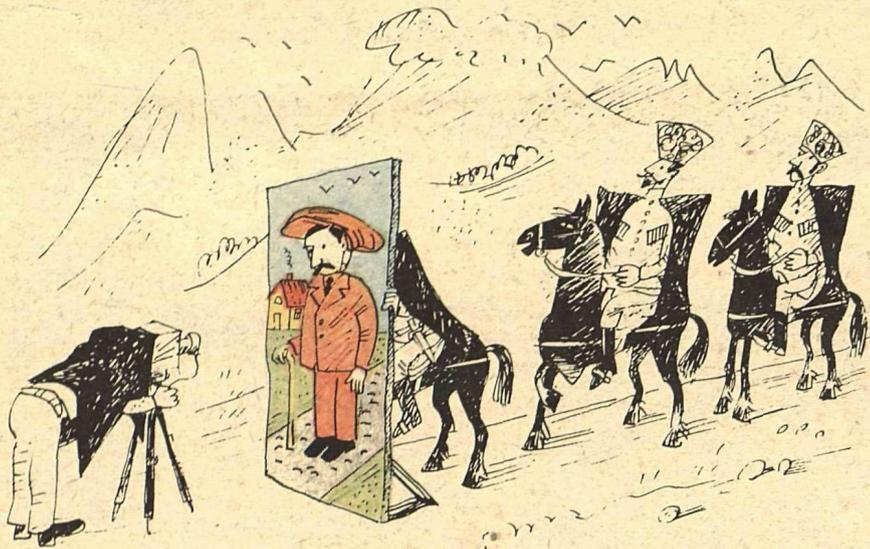
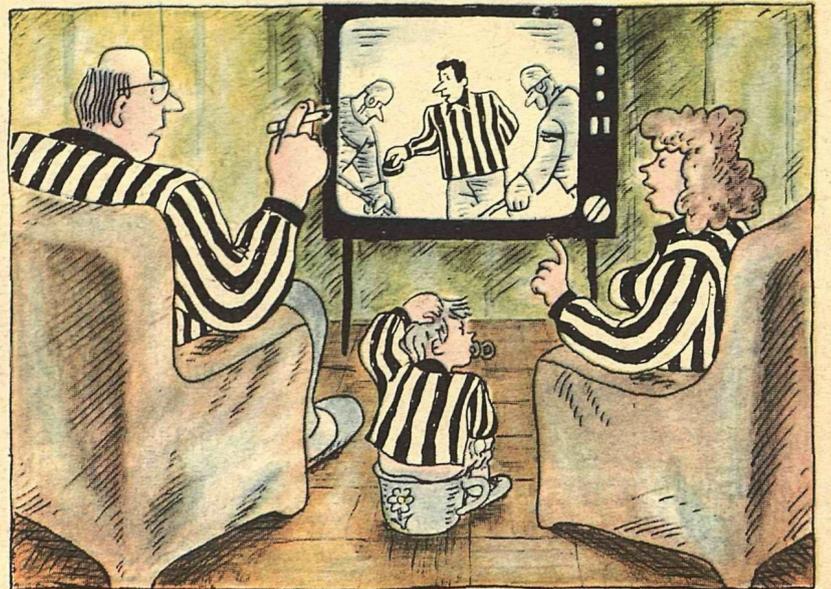
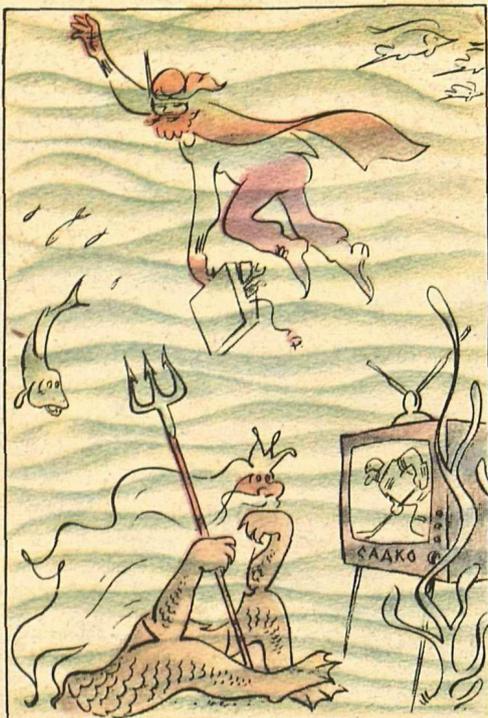

Рисунок С. СПАССКОГО.

— Что ни говорите, а судья все-таки неправ.

Рисунок Н. МАЛОВА.

Садко: — Вот теперь на море будет спокойно.

Рисунок В. МОХОВА.

КРОКОДИЛИНКИ

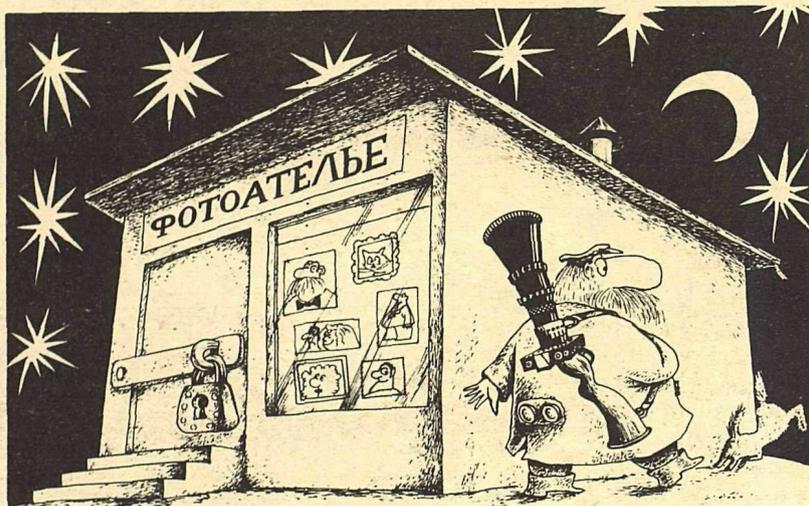
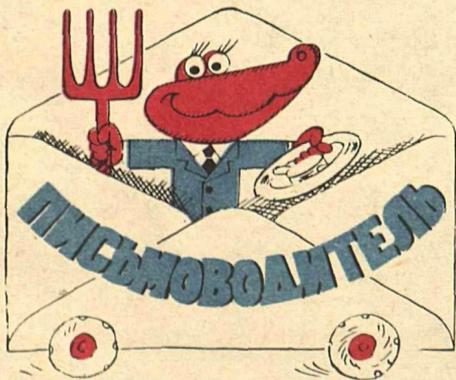
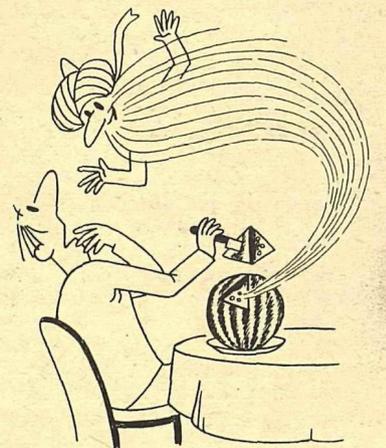

Рисунок В. КАЗАНЕВСКОГО, г. Киев.

Рисунок В. ВЛАДОВА.

Примите и проч.

Что есть вирус?

Москвичка А. Субботина, по-видимому, чрезвычайно любознательный человек. В данный момент ее гложет научный вопрос: вирус — что это такое? И вот с этой далеко не простой проблемой она обращается в «Крокодил».

Судя по всему, наша читательница полагает,

что у сотрудников журнала уйма свободного времени. Тем не менее мы уделили толику своего досуга, чтобы совершить культпоход в библиотеку и ознакомиться с 8-м томом Большой Советской Энциклопедии («Вибрафон—Волово»). Там без всяких экивоков сказано, что вирус — одна из самых простых форм жизни, а заодно и возбудитель инфекционных болезней, некоторые из коих являются общими для человека и домашних животных. Так, например, пситтакоз от попугаев может передаваться человеку. Вот такая это коварная штука!

Попутно хочется деликатно напомнить, что в силу своей специфики Крокодил больше компетентен, выражаясь фигурально, в вирусах иждивенчества, праздности и т. п., чем в том же пситтакозе.

А подать сюда Ляпкина-Тяпкина!

Ни при какой погоде

В Горьковском порту случилась кража. К счастью, не очень большая. А утащили железный шкаф — ящик для лодочного оборудования. Но

тем не менее хозяин ящика Смирнов всполошился. И начал просить водный отдел милиции, а потом и другие компетентные организации помочь разыскать злополучный ящик.

Просил, конечно, не день, не два, а три с половиной года.

За это время получил он отовсюду немало ответов, вернее, отписок самого разнообразного калибра. А в феврале этого года Смирнов получил от транспортного прокурора тов. Тиховца ответ, какого в его коллекции еще не было. Он звучал так:

«По факту пропажи принадлежащего вам металлического ящика сообщая, что работники милиции порта Горький за допущенную волокиту предупреждены. Ввиду климатических условий розыск и возвращение вашего ящика будет продолжен позднее».

И заявляет Смирнов в письме в редакцию недоумевают: когда климатические условия в Горьком изменятся? Если смотреть вообще, так сказать, глобально, то в ближайшую эпоху они могут и не измениться, а если смотреть в частности, то с февраля прошли и морозы, и половец, и жаркое лето, осенние дожди, но ни одно это явление розыску ящика не способствовало. А ведь небось есть такое климатическое условие, которое будет «в цвет», и ящик найдется. Только какое?

Н. АНДРЕЕВ.

«Пятна от машинного масла, мастики для пола, космических кремов, духов, пищевых жиров и масел выводятся полностью пастой «ТИП-ТОП» без дополнительной обработки.»

(Из инструкции).

Прислал А. Тимофеев,
г. Приозерск.

«Ввиду плохой дороги пассажиры в автобусе сильно утрясаются.»

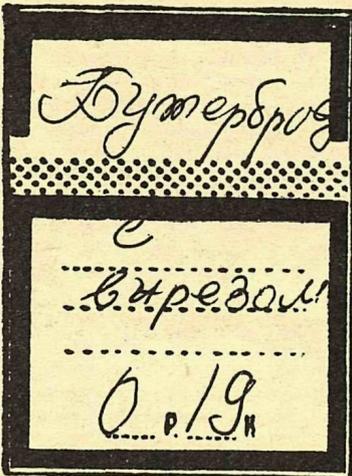
(Из объяснения кондуктора пассажирам).

Прислал М. Руфьев,
г. Никольск.

«Отдайте мужчине его ногу — он выходит.»

(Реплика кондуктора в переполненном автобусе).

Прислал М. Попов,
г. Красноярск.

Прислал Б. Сиротин,
г. Калинин.

— Ага!.. Так вот почему они перестали писать на меня жалобы!

Рисунок А. ЕЛИСЕЕВА.

С дальним прицелом

Конечно, чего греха таить, встречаются иной раз письма о плохом обслуживании. Но вот интересно: наиболее огорчительные слова адресованы нашим оптикам, то есть тем, кто делает очки. И я объясню, почему. Вот, скажем, человеку не сшили вовремя костюм, не связали кофточку, не доставили в срок письмо, не отремонтировали телевизор, электробритву, часы, стиральную машину... ну и так далее. Заказчик, конечно, нервничает, размахивает руками, но только до определенного времени. Проходит, скажем, три месяца, ну, год, но письмо ему все-таки вручают. Костюм он получает, электробритвой бредется и смотрит телевизор. Заказчик смягчается и иной раз даже благодарит сферу обслуживания.

С очками так не бывает никогда. Вот, например, наш читатель Владимир Иванович Ковырялов заказал 21 ноября 1977 года в Воронеже очки (ул. Среднемосковская, д. 73). Очки ему, конечно, сделали, но лишь в июле 1981 года. Пока он эти четыре года ходил без очков, зрение его, естественно, ухудшилось, и ему нужны уже дру-

Очевидное —
невероятное

гие диоптрии. Конечно, он взял новый рецепт, но, рассчитывая по аналогии получить заказ в 1985 году, никак не может предусмотреть, какие же ему тогда понадобятся стекла...

Исповедь толкача

В одном из номеров «Крокодила» увидел карикатуру на толкача, который вместе с заявкой преподносит деликатесы. И подпись:

«Подкинь, подмажь и получи!» —

Так рассуждают толкачи.

Грустно мне стало от этого рисунка. Я ведь тоже толкач... Да, да! После окончания технического вуза меня направили в отдел материально-технического снабжения завода. Моя работа — обеспечивать доставку необходимых материалов для бесперебойной работы предприятия. И вот возьмем такую простую деталь, как вентиль, вроде того, который есть на любой кухне. Только на нашем производстве вентили побольше, бывают диаметром до полуметра.

Отклики
и реплики

На завод-поставщик заявку мы дали своевременно. Нас заверили, что в третьем квартале мы будем ежедекадно получать энное количество вентиляей. Но вот проходит одна декада — вентиляей нет, вторая, третья — нет как нет. Директор завода вызывает на ковер начальника материально-технического снабжения, тот — меня. Бумаги, звонки не помогают. И вот я превращаюсь в «толкача».

Думаете, мне хочется толкаться в очередях за билетами, умаливать дежурную по гостинице, чтобы дала хотя бы раскладушечку, есть черствые бутерброды?

И вот я наконец на заводе-поставщике. Начинаю «давить» на сознательность, дескать, заявку мы вам дали, вы заверили, у нас план под угрозой срыва, рабочие могут остаться без премийальных...

— А что я могу сделать? — разводит руками товарищ с завода-поставщика. — Нам такой-то завод недопоставил бронзу, такой-то — прокладки.

Он, наверное, прав. Но, может, изыщет, если... Словом, угощаю. Сам пью, хотя у меня больная печень: ведь за моей спиной программа завода, тысячный коллектив. И, кстати, никто мне расходы не возместит.

Моя фамилия? Да ни к чему она, под этим письмом подпишутся работники всех отделов материально-технического снабжения.

Толкач из г. Николаева.

Мих.
РАСКАТОВ

Не люблю

«В бедной юности, сплывшей
как дым,
я, как все, был азартен и пылок,
но в забегах держался вторым —
не люблю, когда дышат
в затылок».

Станислав КУНЯЕВ.
«Воспоминание о спорте».

На зеленый газон выхожу,
не страшась ни свистков,
ни ухмылок,
и тихонько по краю брожу —

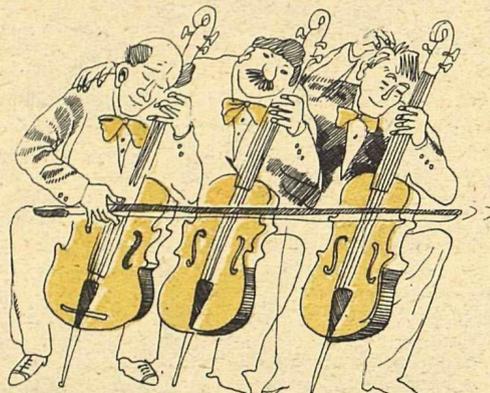
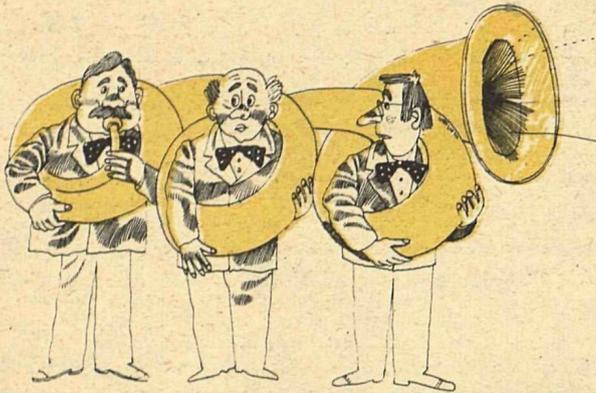
не люблю, когда дышат
в затылок.

Не бросаюсь вперед сгоряча,
я не верю подкатам
и «стенкам»
и подальше держусь от мяча —
не люблю, когда бьют
по коленкам.

И хотя мне футбол по плечу,
и хотя футболистов балуют,
я голов забивать не хочу —
не люблю, когда скопом целуют.

Рисунки

А. БОРИСОВА.

Виталий
АКСЕНОВ

Как стать кинозвездой

Рассказ

Нужно ли говорить, что ответа на этот живо-трепещущий вопрос жадно ждут тысячи прекрасных молодых людей?! Пишут в газеты, журналы, самим артистам...

Но ясно и четкого ответа — увы! — получить до сих пор не могут.

Некоторые начинают свой путь к вершине, пытаясь поступить в институт кино.

Однажды летним погожим утром вы прибываете к подножию киноолимпа, таща за собой фибровый чемодан, в который уложены костюмы всех ролей, сыгранных вами — и не без успеха! — на школьной сцене. Здесь вы с удивлением обнаруживаете, что вместе с вами к Олимпу приехали еще 5496 человек и все со своими чемоданами.

Вы было решаете, что возник неожиданный острый дефицит в киноактерах и народное хозяйство ни минуты не может обойтись без массового набора.

Оказывается, набирают все тех же 20 человек, а 5477 кандидатов в кинозвезды останутся за бортом!

Вы, конечно, решаете, что непременно будете среди двадцати счастливых, и мысленно повторяя басню И. А. Крылова «Ворона и лисица», втаскиваете свой чемодан в общежитие.

Тщательно продумав костюм, чтобы подчеркнуть артистичность вашей натуры, на следующее утро предстааете перед отборочной комиссией.

Жадно вглядываетесь вы в лица сидящих экзаменаторов, рассчитывая увидеть среди них Аллу Пугачеву или Вячеслава Тихонова.

Но их почему-то нет, и только один член комиссии отдаленно кого-то очень напоминает... После тягостных раздумий вы наконец с радостью вспоминаете, что это центральный запорожец из картины про ответ турецкому султану, но только без папахи.

Вы улыбаетесь ему, как старому знакомому, а он указывает вам на стул, одиноко стоящий перед огромным столом, за которым сидит уйма народу — человек двадцать. Вы сразу понимаете, что силы ваши не равны, но будь что будет!

Повторяя басню И. А. Крылова, вы садитесь на кончик стула.

Бесконечно долго вас в упор разглядывают, пытаются обнаружить явные дефекты вашей фигуры, затем предлагают пройтись взад-вперед. Неожиданно вашу левую ногу свело, и вы прохаживаетесь, припадая, и видите, что это не производит на членов комиссии очень хорошего впечатления.

Достаточно! — говорит запорожец и указывает вам на стул.

Лихорадочно повторяя басню И. А. Крылова, вы усаживаетесь на кончик стула.

Мм-да-а-а! — задумчиво произносит запорожец, а все остальные неотрывно смотрят, как вы пытаетесь вас запомнить навсегда.

Итак, перед вами водопад... — задумчиво произносит запорожец, — кстати, вы видели водопад?..

Вы, виновато улыбаясь, ссылаетесь на то, что выросли среди раздольных степей, но тем не менее видели Ниагарский водопад в кино.

Гм-м, — задумчиво произносит запорожец, переглядываясь с другими членами комиссии, и вы понимаете, что эта история с раздольными степями им не очень понравилась.

Итак, перед вами... — задумчиво начинает запорожец, — перед вами... лев! — вдруг обрадовавшись своему решению, завершает он.

Как лев? — вы растерянно оглядываетесь, не видя ничего похожего.

Да, да! — радостно кивают члены комиссии, — Настоящий лев. Представьте себе. Он хочет напасть на вас. Что вы будете делать?

Защищаться! — произнесите вы хриплым голосом, мысленно повторяя басню И. А. Крылова «Ворона и лисица».

Действуйте! — приказывает запорожец...

...Какая-то неведомая сила поднимает вас в яростном, отчаянном прыжке. Вы вцепляетесь льву в гриву и душите его изо всех сил.

Лев почему-то бешено сопротивляется. Слышны крики, кто-то пытается вас оттащить.

Наконец вы приходите в себя и видите, что вас крепко держат за руки два дюжих дружинника в красных повязках, а запорожца с явными телесными повреждениями уносят санитары «Скорой помощи».

И вы понимаете, что комиссии эта вся история со львом не очень понравилась.

Дружинники с неохотой отпускают вас на все четыре стороны, а вы понимаете, что родились дрессировщиком диких и домашних животных.

Мысленно повторяя басню И. А. Крылова «Ворона и лисица», вы берете свой чемодан и отправляетесь в цирковое училище.

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

Турхан РАСИЕВ (Болгария)

Иронические миниатюры

БЕССМЕРТИЕ

— Куда нас везут? — спросил толстый Роман у небольшой тоненькой Поэмы.

— А вы не слышали? — удивилась Поэма. — В связи с нехваткой бумаги нас сдают в утиль.

— В утиль?! Безобразие! — возмутился Роман.

— Почему? Мы ведь опять превратимся в книги, а потом еще раз и еще и, таким образом, в отличие от наших авторов хоть таким образом обретем бессмертие.

ВЕРХ ВЕЖЛИВОСТИ

Однажды Генчо шел по улице. Ему повстречался незнакомый человек. Незнакомец вежливо приподнял шляпу, поздоровался с Генчо и продолжал свой путь.

Но, не сделав и десяти шагов, он обернулся и догнал Генчо.

— Извините, — вежливо сказал он, приподнимая шляпу, — извините, что я с вами поздоровался. Я обознался...

ВЕТРЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК

Жил на свете ветренный человек. За что бы он ни брался, все у него выходило не так, как надо, потому что в голове у него был один только ветер.

— Да, конечно, — печально вздыхали в отделе кадров, — ветер-то он ветер, но нельзя же разбрасываться кадрами...

И назначили его в конце концов заведующим ветряной мельницей.

— Вот, пожалуйста, — довольно потирали руки кадровики, — нужно только проявить чуткость, подумать немножко — и нужный человек на нужном месте.

Тем временем ветренный человек подвел к мельнице воду из ручья. Вода потекла, но мельница не вращалась. Все-таки она была ветряная, как впрочем, и ее заведующий.

НЕПРЕДВИДЕННЫЙ СЛУЧАЙ

Один буфетчик регулярно подливал воду в водку. Как-то ревизор поймал его на месте преступления. Суд приговорил буфетчика к трем месяцам заключения.

Выйдя на свободу, буфетчик поступил на работу в тот же ресторан, потому что был солидным человеком и не хотел прыгать с места на место. Но не прошло и трех месяцев, как тот же ревизор снова поймал его на нарушении.

— Вы опять подливаете воду в водку? — спросил он.

— За кого вы меня принимаете? — обиженно спросил буфетчик. — Неужели вы думаете, что я ничему не научился? Теперь я доливаю водку в воду. А это, мне объяснили, уголовным кодексом не преследуется...

Перевел Н. ЛАБКОВСКИЙ.

Маленький Питер пишет сочинение на тему «Происхождение моей семьи». Он спросил мать, откуда она появилась на свет.

— Меня принес аист.

— А я!

— И тебя принес аист.

— А дедушка?

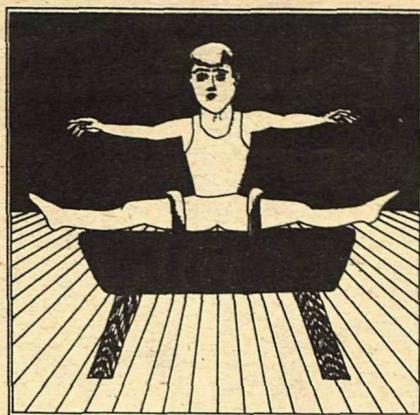
— И дедушку принес аист.

Питер нахмурил брови и написал: «Вот уже три поколения в нашей семье нет нормальной рождаемости».

— Это счет за обед, или вы пытаетесь продать мне весь ресторан?

«Уикэнд», Англия.

«Рогач», Чехословакия.

— У нашего Ханса большая неприятность на военной службе, и все из-за его чрезмерной старательности.

— А что случилось?

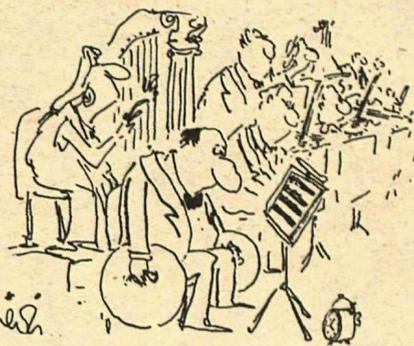
— Когда ему приказали вырыть стрелковый окоп, он зарылся так глубоко, что его обвинили в дезертирстве!

Два белых медведя попали в Сахару.

— Черт побери, как здесь скользко! — воскликнул один.

— С чего ты взял! — удивился другой.

— Не видишь разве, сколько песка насыпали!

«Бостон глоб», США.

Роджер РОЗЕНБЛАТ (США)

Народный психоизбранник

Пациент. Доктор, мне кажется, что я собака.

Доктор. А когда вы это почувствовали?

Пациент. Давно. Еще когда был щенком.

Анекдот, конечно, не бог весть что — живот не надорвешь. Но для жанра анекдотов про психиатров и сумасшедших не так уж плох. В ближайшее время, судя по всему, этот жанр начнет процветать. Дело в том, что губернатором штата Вашингтон избран кандидат от демократической партии врач-психиатр Джеймс Макдермот. Д-р Макдермот заявил, что намерен стать «губернатором, который выслушивает народ»; в устах психиатра это звучит не как предвыборное преувеличение.

Однако все дело в том, готов ли к грядущим переменам народ. Уже сейчас жители штата задаются тре-

вожными вопросами: сколько будет брать губернатор за час приема — 60 долларов или больше? Из какой больницы губернатор начнет набирать штат помощников? Вопросов множество.

В своих предвыборных речах доктор Макдермот нажимал на свой богатый опыт консультанта в колониях для малолетних преступников, опыт, который должен ему пригодиться на новом поприще. И то верно: д-р Макдермот пришел вовремя. Пора, давно пора.

В целом, можно сказать, что психиатры, добравшиеся до рычагов власти, будут иметь целый ряд преимуществ:

1. Психиатров воспринимают как знающих людей. Этим они выгодно отличаются от наших мэров, которых редко когда воспринимают всерьез.

2. Психиатр всегда доискивается до глубинных причин. Скажите ему,

что толпа бунтовщиков идет громить здание конгресса штата, и он задумается: «Очевидно, у них было несчастное детство...»

3. Психиатры верят, что все проблемы разрешимы. Это подкупает и может даже открыть им дорогу в Белый дом.

4. Психиатр умеет справляться с любой стрессовой ситуацией; например:

Помощник. Губернатор, у нас есть план борьбы с депрессией!

Губернатор. Будем ждать. Депрессивная стадия должна смениться маниакальной.

Но записавшимся на прием к губернатору теперь придется следить за тем, что они говорят, иначе вместо резолюции на своем прошении они выйдут из кабинета губернатора с направлением в клинику.

Перевел А. ГРИГОРЬЕВ.

— К тому же отсюда прекрасный вид на море!

«Панч», Англия.

«Стыршел», Болгария.

«Лудаши мати», Венгрия.

Слова, слова...

На крик души нередко откликается только эхо.

Из наблюдений месопотамских акустиков.

Чем приятнее формы, тем безразличнее содержание.

Девиз тайландского конкурса красоты.

Гении приходят и уходят, а дураки остаются.

Шутка дураков.

Стив зашел в парикмахерскую, но поскольку мастер куда-то отлучился, его начал брить ученик. В этот момент вошел хозяин.

— Перри, — поинтересовался он, — ты спросил у джентльмена, какая у него группа крови!

КРОКОДИЛ

№ 34 (2368)

декабрь

Главный редактор
Е. П. ДУБРОВИН

Редакционная коллегия:

М. А. АБРАМОВ,
М. Э. ВИЛЕНСКИЙ,
А. Е. ВИХРЕВ
(зам. главного редактора),
А. Б. ГОЛУБ,
Б. Е. ЕФИМОВ,
Р. Т. КИРЕЕВ,
А. П. КРЫЛОВ
(художественный редактор),
Г. О. МАРЧИК,
Н. И. МОНАХОВ,
В. Г. ПОБЕДОНОСЦЕВ
(ответственный секретарь),
В. И. СВИРИДОВ,
И. М. СЕМЕНОВ,
М. Г. СЕМЕНОВ,
С. В. СМИРНОВ,
С. С. СПАССКИЙ,
А. А. СУКОНЦЕВ,
А. И. ХОДАНОВ
(зам. главного редактора).

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ
ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

Наш адрес:
101455, МОСКВА, ГСП,
БУМАЖНЫЙ ПРОЕЗД, д. 14

Телефоны:
250-10-86
212-21-73

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ
1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ
ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Темы рисунков этого номера придумали: М. Вайсборд, В. Владов, В. Казаневский (г. Киев), Н. Малов, В. Мохов, И. Новиков, В. Панфилов, С. Спасский, Е. Шипицова.

Технический редактор
Л. КУРЛЫКОВА

Сдано в набор 09.10.81.
Подписано к печати 17.11.81.
А 05216.
Формат бумаги 70×108/16.
Офсетная печать. Усл. печ.
л. 2,80. Уч.-изд. л. 4,54.
Тираж 5 780 000 экз.
(1-й завод: 1—3 631 082).
Изд. № 2846.
Зак. № 1535.

© Издательство «Правда».
«Крокодил», 1981 г.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
125865, ГСП, Москва, А-137,
ул. «Правды», 24.

62 54 7

Многие буржуазные историки пытаются принизить значение выдающейся победы советских войск под Москвой, используя при этом в качестве «источника» мемуары битых гитлеровских генералов.

№14 ДНУ 1984

ВОССОЮЗНАЯ
СРЕДНЕГО ПОЧЕТА
УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. А.С. ПУШКИНА
1981 г.

